

СОДЕРЖАНИЕ

А. КОСАРЕВ—Чайка Пушкина	Стр. 5
Ю. ТЫНЯНОВ—В лицах (отрывок из романа)	6
В. ШКОЛОВСКИЙ—Материя жизни (биограф. очерк)	9
А. М. ГОРКИН—О Пушкине	14
Проф. М. ЦВЕТОВСКИЙ—Скитания поэта	15
К. ЧУКОВСКИЙ—Два поэта (Маяковский и Пушкин)	17
Б. ЛЕБЕДЕВ—Секреты (стихи)	18
Проф. Б. КАЗАНСКИЙ—Древнейшие клины	19
И. НОВИКОВ—Попытка бегства (отрывок из романа)	22
Ю. ШПРОКОВ—Приют трудов и обновлений (фото-очерк)	24
С. БОДИН—Новые строфы «Русалки и Людмила»	27
Проф. Д. БАЛГОЙ—Творческий путь Пушкина	29
Полковник Э. ГАРЕЕВ—Как мы спасли домик няни	31
Проф. Б. ТОМАШЕВСКИЙ—Проза	32
Б. МЕЛАХ—Лирика	35
С. ШТРАЙХ—Миллион книг	37
В. Ш.—Говорят книги	38
Враги поэта. Эпиграмы А. С. Пушкина. Карикатуры худ. Н. Аси	39
Стихотворения А. С. ПУШКИНА на стр. 4, 16, 26, 30, 34, 35, 36	
В. ВИКТОРОВ—Здесь жил Пушкин	40
Т. КОИРАТЯГА—Здравствуй, Александр Сергеевич!	43
Э. ГАРА—Потоки	44
«Любимый род негров», «Пушкин-собеседник», «Карьера убийцы», «Он был шахматистом»	45
Пушкин на экране	46

Научная консультация номера профессора Д. БАЛГОЙ, доктор наук, член Академии художеств: П. Пеллион, Г. Васильев, Н. Аси.

Репродуцированы с картин и иллюстраций художников: П. Селена, И. Репина, И. Айвазовского, И. Анненкова, А. Карповича, Н. Щеголева, В. Златовласки, Н. Г. Ж. Вилляма, И. Уланова, П. Соколова, В. Шугаева, В. Ситникова.

Аннотации и рисунки А. С. Пушкина. Не обложке: портрет А. С. Серова «Пушкин в Михайловском», на обороте обложки: картина И. Е. Репина «И. Г. Айвазовский. Пушкин на берегу моря».

Фото фотографа «Снежи» И. П. Гущина. Матер. сержант по поэзии В. Улан. Технические консультации по цветным репродукциям художники-техники Д. Пивоваров.

Классы и типографии в типографии издательства ЦК ВКП(б) «Пресса». Материалы и фотографии изданы «Прессой» издателя Ситникова.

Горана готовит к пушкинским дням

* 10 февраля 1937 года исполняется сто лет со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина. Правительство в декабре 1935 г. был учрежден Всесоюзный пушкинский комитет под председательством А. М. ГОРКИНА.

В составе виднейших политически деятелей, ученых и людей искусства. Сейчас комитет широко развернул работу по увековечению памяти поэта и популяризации его произведений. * Таблички дворца пионеров собрали портреты тысячи работ на антитрудовой бал-маскарад, посвященный памяти великого поэта. Участники маскарада были одеты в костюмы героев произведений Пушкина. С успехом прошла викторина о произведениях и жизни Пушкина.

* Из 90 оперных комсомольских группировок Челябинского тракторного завода им. Сталина положили на заглавие своим любимым писателем А. С. Пушкина.

* Наркомпрос РСФСР организует к столетию со дня смерти поэта выставку работ учащихся, посвященную творчеству А. С. Пушкина.

* Учащиеся старших классов оренбургской средней школы № 9 усердно изучают жизнь и творчество А. С. Пушкина. Биография поэта разбита на темы, над каждой работает несколько человек. Ната Гусева составила подробную карту путешествий поэта с обстоятельными комментариями к ним. Коля Пономов и Миша Голота подготовили альбом «Пушкин и декабристы». Лидя Марусева работает над темой «Преобразование Пушкина в Оренбурге».

* Госиздат выпускает к юбилею 11 книг о Пушкине. Среди них: Белинский «Статьи о Пушкине», первый том работы Д. Балгоя «Жизнь и творчество Пушкина», А. Гроссман «Враги Пушкина», Желанский «Саяки Пушкина в народном творчестве», Томашевский «Пушкин и француз».

* Государственное издательство Азербайджана из-

даст в 1936 году на тюркском языке дружные избранные произведения Пушкина, в который войдут: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Багцарский сонет» и все его повести. Книжки будут художественно оформлены и иллюстрированы.

* По инициативе пушкинского комитета Трест радиофонии записи выпускает около 200 пластинок с чтениями, отрывками из опер и романсами на текстах Пушкина.

* На заводе «Серп и молот» (Харьков) энергично ведется работа по популяризации произведений великого поэта. На 19 докладах и 179 читках произведений Пушкина присутствовало 5800 рабочих. Закавказская многотрапеза и стенные газеты печатают отрывки из произведений Пушкина и отзывы рабочих о его прозе и стихах. Закавказская библиотека выдала более полутысячи книг Пушкина и о Пушкине. На пушкинской конференции присутствовало 500 человек. В числе прочего работница Сталина прочла доклад «Своеобразие лирики Пушкина», член ЦВУ Гарман — о «Евгении Онегине».

* Семь вечеров продолжалась пушкинская конференция в Чапаеве (Киевская область). Из 30 докладов только 2 были сделаны приезжими гостями, 60 томов Пушкина, приобретенные библиотекой Дворца культуры, были разобраны и нарядом же дня конференции.

* Госиздатом намечено издать И. Новикова «Пушкин в Михайловском» и две части романа Ю. Тынянова «Пушкин».

* Поэты Грузии: Паоло Япалли, Тифлиса Тибидзе, В. Гаприладзе и другие — работают над переводом сочинений Пушкина. Госиздат Грузии выпускает к юбилею ряд пушкинских произведений, в том числе

«Евгения Онегина», в переводах названных поэтов.

* В особом художественном оформлении издательство «Азатутун» готовит к изданию: «Саяки» Пушкина с иллюстрациями художников Паласа; повести с иллюстрациями художника И. Рерберга; «Борис Годунов» с иллюстрациями художника Сиватского.

* Издательство «Сосет» выпустило в свет книгу В. Бересова «Спутник Пушкина». В книге даны литературные портреты людей, окружавших Пушкина.

* Государственное издательство Армении выпускает к столетию смерти поэта ряд его избранных произведений.

Помимо уже вышедших из печати «Дубровского» (в переводе Т. Ахуняна), «Кавказской дамки» (в переводе С. Сокояна) и сборника драматических произведений Пушкина, вышедших к юбилею «Евгения Онегина» и избранные стихи в переводах Ованеса Туманяна, Шахнава, Агаяна и других.

Из литературы о Пушкине будут изданы статьи В. Велинского и книга С. Арутуновна «Пушкин за сто лет в армянской письменности».

* Ленинградский заводичка подготовку к печати monumentalного альбома «А. С. Пушкин в изобразительном искусстве».

Альбом содержит около 200 репродукций (часть из них красочные). Издание открывается вступительной статьей В. А. Денисюкова. В альбоме представлены лучшие произведения портретов, писавших Пушкина, и лучшие иллюстрации к его произведениям. Особый отдел альбома составляют рисунки самого Пушкина. Широко представлены произведения советских художников, появившиеся в период 1918—1936 гг.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Орган
ЦК и МК ВЛКСМ

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

смена

Специальный пушкинский номер

№ 9

СЕНТЯБРЬ 1936 г.

Год издания тринадцатый

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Федот Н. Гудков

У памятника в Остафьеве.

МЕЧТА ПОЭТА СТАЛА ЯВЬЮ!

На фотомонтаже: обложки изданий произведений А. С. Пушкина на языках народов СССР.

СТАТЬИ ПУШКИНА!

Статья А. Косарева

Через несколько месяцев наша страна будет отмечать счастие со дня смерти великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Восхищение пушкинское творчеством, и, подобно творениям Шекспира, Гете, Байрона, оно являет собою нечто великое, неслыханнейшее в истории духовного обогащения вышедших из плотищ познаний человечества. «Евгений Онегин», «Полтава», «Медный всадник», «Капитанская дочка» и сотни другие пушкинские произведения — каждое из них — драгоценный, неизменяющийся сплав мыслей, чувств и благородного художника.

Статьи Пушкина, написанные со стольким теплом, волнующим нас так же глубоко и сильно, как волновали многих его современников, и по сей день так же глубоко, еще сильнее, потому что мы видим в них то, что было доступно взору лишь немногих блестящих умов того времени.

Только теперь, в ставшую эпоху, в эпоху традиционного плутовства материализма и культурных сил советского общества, только теперь слова Пушкина стала подлинно всенародной славой.

Почти никто, за редким исключением, в русской поэзии до Пушкина и даже после него не страдал жизни своей страны в таких волнующих, захватывающих художественных образах, как это сделал его творческий гений.

«И что же это за стих! — писал о произведениях Пушкина великий русский артист В. И. Бельский, — агитация, красота, строгость, простота сочетались в нем с обязательной игрой романтической ритми; все акустическое богатство, вся сила русского языка являлась в нем и удивительной полнотой: он неслен, слышащий, могуч, как раскаты грома, гудящий, как грома, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл, душист и благоухан, как весна, крепко и мощно, как удар меча в рубящую броню. В нем и обаятельность, невыразимая прелесть и грация, в нем ослепительный блеск и кроткая властность, в нем все богатство мелодий и гармоний языка и ритма, в нем вся нега, все упоение творческой мечтой, поэтическое выражение. Если б мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы назвали бы, что это по превосходству поэтический, художественный, артистический стих — и этим разгадали бы тайну парфоса всей поэзии Пушкина».

Пушкин ярок освещает взаимоотношения людей в современном ему эпоху. Он зорко видит и навсегда записывает в своем творчестве мистическую пустоту, холодное бездушие и омерзительную тупость современного ему дворянского общества, так называемого «вышнего света». Передовой человек своего времени, он живо откликался на все прогрессивные идеи. Не кто иной, как Пушкин, в своем знаменитом послании «К Сибирю» воспева подвиг декабристов.

Произведения этого великого русского писателя помогают нам увидеть прошлое, расширяют перед нами быт и нравы людей того времени. С непревзойденным мастерством Пушкин изобразил многие черты человеческой природы, создав бесчисленные художественные образы. Известно, как Владимир Ильич Ленин глубоко ценит и любил Пушкина. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская рассказывает:

«Я выехала с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова».

Владимир Ильич помыслил как около своей кровати, рядом с Гегелем, перечитывая их из вечера в ночь и вновь. Больше всего он любил Пушкина».

Пушкин — это целая эпоха в развитии русской культуры. Исследования его творчества ведутся на протяжении целого столетия. Осо-

бенного размаху и глубинным они достигли в наше время, когда освобожденные от капиталистического рабства и неволи народом Советского союза по-настоящему оценили все изумительную силу пушкинского гения.

Великий сын великого русского народа, гениальный мастер художественного слова, друг декабристов, борев за правду и разум, Пушкин вошел в нашу эпоху как современник. Он больше, чем был современником своему поколению и своему обществу со лет тому назад!

«Зависимость от жизни», «предрасположенность души» — эти, по мнению Пушкина, «отличительные черты молодежи XIX века» ему самому писателью не были свойственны. Любские страсти и драмы, все разнообразие человеческих переживаний, картин природы, борьба социальных сил, размышления о судьбах истории — все это нашло свое отражение в его лирике, греческое дыхание которой волнует и долгу долгу волновать людей. Для Пушкина поэта не было ни географических, ни исторических границ. Древняя Греция, Рим, Испания, Италия, Турция, Польша, древний и новый Восток изобразились им с одинаковым проникновением в обаянии и смелый колорит различных стран и времен.

Никто в поэзии до Пушкина и после него так щедро не обогатил русскую культуру, как он, этот величайший поэт своего столетия. Он был действительным создателем русского литературного языка, он завоевал для родной литературы почетное место в мировой художественной культуре.

Он вырос среди знати, предрасположенной к ярким, средним людей, от которых, по словам другого гения русской литературы — Н. В. Гоголя, «не услышишь ни одного слова, которое не было бы действительным создателем русского литературного языка, он завоевал для родной литературы почетное место в мировой художественной культуре. Он вырос среди знати, предрасположенной к ярким, средним людей, от которых, по словам другого гения русской литературы — Н. В. Гоголя, «не услышишь ни одного слова, которое не было бы действительным создателем русского литературного языка, он завоевал для родной литературы почетное место в мировой художественной культуре. Он вырос среди знати, предрасположенной к ярким, средним людей, от которых, по словам другого гения русской литературы — Н. В. Гоголя, «не услышишь ни одного слова, которое не было бы действительным создателем русского литературного языка, он завоевал для родной литературы почетное место в мировой художественной культуре».

Произведения Пушкина — это неисчерпаемое богатство человеческой речи. Пушкин был создателем великодушного, гибкого, выразительного русского литературного языка. Он соединил русскую литературную речь для народного слуха, обогатил язык неисчислимым количеством слов, взятых из народной речи. Он боролся за чистоту и ясность поэзии народных сказочников. В этом одна из его исторических заслуг перед культурой нашей страны.

Чтение произведений Пушкина обогащает речь нашего молодого человека, делает ее культурной. Незамечен грех тысяч: язык у некоторой части нашей молодежи, и в частности у некоторых комсомольских активистов, весьма тяжеловесен и засорен канцелярскими оборотами. Комсомольцы — род негодяи, и этим негодям страдают и некоторые наши комсомольские газеты.

Многие молодые люди хотят стать литераторами, писателями. Подвигаясь стремлению Сталинская партия делает все, чтобы облегчить им осуществление этого стремления. Но все ли необходимое делает сама молодежь? Не все ли, желая стать настоящими писателями, а не только одними из тех, достойных сожаления людей, которые всю свою жизнь лишь «подают надежды»? Все ли они делают, чтобы овладеть высокой культурой писательского труда?

Школом для них должно быть творчество Пушкина. Нельзя стать маститым литератором, не зная Пушкина! Пушкин — образованнейший человек своего времени, человек, обуреваемый великими и непреодолимыми по своей яркости картинами русской жизни в «Евгении Онегине».

Как и все великие художники, Пушкин был реалистом. Реалистический метод изображения действительности позволял ему дать незабываемые и незабываемые по своей яркости картины русской жизни в «Евгении Онегине». В. Белинский писал, что этот роман есть «поэтическое зеркало действительности картина русского общества в известную эпоху».

Реализм, искренность, искренность, проникновенная лирика, созвучная лучшим устремлениям человечества, — вот черты пушкинского творчества, делающие его таким близким и дорогим для нас. Он близок и дорог нам как галланта свободомыслию эпохи романтизма, как борев за счастье человечества.

Современники говорили о Пушкине: «Сродниться было не для него. Митическим он проза, и митическим умом». Трагическая гибель великого и бескомпромиссного участника империалистической войны, волнует советское общество, как один из самых драматических эпизодов общественной жизни гражданской России. С живым и незабываемым интересом к его творчеству, мы обязаны ознакомить всю нашу молодежь.

В фашистских странах молодежь «воспитывается» казенной мучиной. Ее готовят к роли покорных и безмолвных участников империалистической войны. Там творения классиков, титанов культуры, сжигают на кострах. Там душат культуру, боясь просвещения и ограждения от него молодежи читателем и зрителем.

В нашей стране, выполняющей заветы великого Ленина, руководимой гениальным Сталиным, просвещение и культура доступны всему народу, всей молодежи.

Советская молодежь должна стать самой культурной в мире. Знакомство с творчеством Пушкина окажет огромное влияние на ее культурный рост и развитие.

Произведения Пушкина должны быть даны советской молодежи в многообразных формах. Это важнейшая задача наших властей. Необходимо также дать достойные пушкинского творения переводы его стихов всем народам Советского союза, ибо произведения великого русского поэта — достояние всех народов единой братской семьи Советских республик, достояние всего мира.

Ленинский комсомол, обладающий передовой советской молодежью, должен быть и будет самым горячим, самым активным пропагандистом творчества великого русского народного поэта Александра Сергеевича Пушкина.

А. С. Пушкин (автопортрет).

В Л И Щ Е

Они часто гуляли вдоль прудов, — к озерам членила между первым и вторым прудом называлась Чертовым мостом, и в этот нагромождение камней был и мрамор и гранит, которые, казалось, лежали здесь от века. Он любил эту искусственную дикий.

Простой, дикий памятник стоил здесь сестры, скалки: носы ворабей торчали во все стороны, наклонив к озеру.

Когда озеро заморозило, они пошли на самую памятник и прочли надпись на бронзовой доске. Надпись была длинная, как все вообще старые надписи, которые оттаивали в брызгах и вымывались на камне с многообразием и повторениями. Это была память морской победы, которую Федор Орлов одержал у Морен. Упоминались полководцы Морен, порт Виль, Модома. Говорилось о капитане Баркове, который звался Ассасу, Вердон и Спарту. Последним значился бригадир Ганинба: «Крепость Наварринская сдалась бригадир Ганинбау».

Он никому ничего об этом не сказал; он самша, как глумил Миссодес, прочитав, сказал Гиркову бесмыслицу:

Какой-то Ганинба — назарба.

А Гирков ответил:

— Ганинба, это — из древней истории.

Он и сам хорошо не знал, какой это Ганинба. У них в доме мало говорили о Ганинбаках. Потом он решил, что это дел, о котором он самша, что тот был воином. Он хотел было сказать об этом Пудилу, да потом отложил. Но каждый раз, когда они проходили мимо озера, он смотрел на простой памятник с прожвонками имени: темные носы кораблей старой морской бронзы торчали по все стороны; старый камень одиноким столбом стоял у Чертова моста. Это был его дел.

Тайком, чтобы не заметили, он надвинул фуражку на лоб.

Он кланялся делу.

Вздох был вольности. Корф часто посылал своего дядьку черному Леонтия к немецкому кондитеру за пряниками. Леонтий даже устроил у себя под лестницей, в каморке, польскую кондитерскую: у него стоял там столик, покрытый чистой салфеткой, — и по требованию вынималась чашка кофе, столбушка сухарей. Воображение размыгривалось. Они завтракали у Леонтия так, как их отцы в дворянском кабаке.

Горчакос орданам вынула маленькую юбку лирика и два два колда, когда никого из надзирателей не было, поклаивая: он воображал себя пьяным. Они всякий разылись в кармашках и благословенно давали Леонтию на чай. Только у Александра и у Кохельберга не было денег — у Александра никаких, а Кохельберга было два рубля, которые он дал себе обещать хранить до конца первого курса.

По приказу Пандельского стоа отнимать у них книги, привнесенные из родительских домов. Гирков Черников ходил из колды в колды и собирал их. Книжки же, которые сузили в его белом Арине, — было все, что он имел. Он решил не отдавать книг, не понимая, как будет обидиться без Волтера, без Пирова с Чарльзом, Чарльзом, который пришел отнимать книги, Александр встретил с таким видом, что тот отступил. Гирков был хил и тупеющий, со смуглыми лицами, порченым оспой, в обожжении всегда ровен и веселый. Он со вздохом искал по-смотрел на Александра и развел руками. И Александр отдал ему книги.

За завтраком сказали им, что книги вернут, когда они вымрут, и что есть надежда, что вскоре государь повелит своим библиотекарям, которую он читал в молодости, — тогда библиотека эта будет в галлерее, что меж людским и фрейльским фангелем. Галлерее эту называли аркой. Теперь у него ничего более не было. Он был гол как сокол.

Сергей Львович посетил людей. Это не легко ему давалось. Надежда Осиповна, узнав, что он собирается в Петербург, молча стала укладываться. Сергей Львович обомлел. Он собирался ехать один, а теперь посылал терпеть для него моего престави. Наверное, они утешались. Надежда Осиповна советует себе новую шубу, потому что в старой ей ехать никак нельзя, и придет к супругу в Петербург. Сергей Львович сам этого придумал, но тотчас почувствовал, что разорится.

Между тем поездка его имела цель чисто служебную. Комиссионерство в Московском интендантстве, что ни говори, было для него уни-

Последние годы Ю. Н. Тынянов работает над большим романом «Пушкин».

Первая часть романа «Детство», уже опубликованная в журнале «Литературный современник», заканчивается поступлением Пушкина в лицей. Сейчас писатель работает над второй частью, целиком посвященной царскому двору юным годам.

Две книги, которые Тынянов написал до этого, в сущности, были подступом к большой теме «Пушкин». Уже в «Кохельберге» смуглый курчавый мальчик, не раз доводивший до слез героя повести — Кохельбекера.

В романе «Смерть Вавилон Мухоморова» из юркой казавской тропе встречает Пушкин вроб с темное своего петербургского знакомого Гребоводова.

Для специального пушкинского номера «Смеси» Ю. Н. Тынянов был еще ниде: не опубликованный отрывок из второй части романа «Пушкин».

зательство, притом приносясь ужас как мало доходу; он ехал в Петербург, чтобы навестить Александра и заодно узнать, неважно ли переставил в столицу, а будучи немалым — тута тута по на место, более его достойным. Шаткость нынешнего курса внушила ему некоторые надежды: близость войны была отягчала для всех, прокладывая и в дело перемены, назавтраши и проч. Итальянская дождливость была почти всенная. Он не мыслил более о карьере, которая могла бы открыться, — она слышала долго не открывалась, — но, как старый игрок, не мог забыть, что все есть дело жизни. В Москве ничто более его не удивляло. Далеки были те времена, когда он жаждал славной Пашкративе, бог вещей, существовала ли она. Он едва мог, удовольствиями, свою страсть к игре, поигрывая даждо бедственно в шпесс со своим старым гвардейским товарищем, салунившим теперь в департаменте и вшившим в ничтожество.

Перед самым отъездом он вдруг с решимостью отчаяния занял Надежда Осиповне, что денег на ее шубу у него совсем нет, что придется ждать больше. Надежда Осиповна поняла, что ее обман, и дала ему поощение. Она удивилась и спросила глазами, но Сергей Львович, удивившись, не переставая, доверчиво борол, наскоро обомыла детей и уехал.

Дорогу он провела отчаянно. На первой же станции разговорился с проезжим чиновником о новостях политический и сказал ему, что хотя в ни нем не одобряет Наполеона, но последнее известие, что Наполеон приказал арестовать молодую жену министра, было великим пределом мотовству, — все же заслуживает уважения. Чиновник, видимо, испуганный возмущением Сергея Львовича, отвелся ему односторонно: «Да».

Свидание с Александром, по строго соблюдаемым правилам, могло состояться только в воскресенье, и Сергей Львович в первое же воскресенье поехал в Царское село.

Дорога развлекла его своего новостью — он впервые ехал по ней. Встретив по дороге несколько проезжих, он принял вид равнодушный. По дороге во двор Сергей Львович весь подтянулся, подобрался и несколько задремал воглаз. Мысли, что он может встретить государя, поразила его. Воображение его размыгривалось. Он с благой откровенностью излагал государю все невыгоды своих служб, просил об устройстве своих дел, получал внезапно приятное и довольно важное назначение и проч. Попадаю ко двору и ничего, кроме часовых, по пути не встречая, Сергей Львович несомненно почувствовал робость, обман и распухалость.

В лицее его встретил неприветливый человек, с пропавшим взглядом и весьма неборозвучательный. Он объявил Сергею Львовичу, что свидание должно отложиться, что утерять себя, для этого отложить, уже прошло, а теперь скоро еще. Итак, придется ждать завтра, а лучше — следующего воскресного дня. Сергей Львович раскричался. Правда, в комнате было несколько родителей, беседовавших с сыновьями. Сергей Львович изложил им свой план. Родители с удивлением и уважением, неспешно человек, оказавшийся инспектором, дали, что то же, смотритель, вместо ответа уменьшили и послали за Александром.

Александр сталоваться на лестнице с Пандельским. Тот посмотрел на него с улыбкой, который Александр терпеть не мог: улыбка была белая, и глаза не смеялись. Так Пандельский всегда улыбался, смотря на него.

Спустился, он застал отца в сильном волнении, ходившим взад и вперед по комнате, мелемичи шагалом.

На Сергея Львовича был серый с искрой фрак, и олет он был не по летам тяжело; тутне воротники подпирал его удушлие шеи.

Александр отвык от отца. Он заметил, что отец Молдинны Корфа, бывший тут же в зале, незаметно извлек из кармана, как баран, с абсолютством погладила на отца. Ему стало вдруг жалко его за толстоту, за чрезмерную тщательность его одежды.

Сергей Львович объявил сына довольно чинно. Сознание, что он во дворе, помогло ему принять сына к груди и прозрелось. Потом он сказал ему громко и с заметной горечью:

— Ваш прадед, сын мой, встречал здесь иной прием.

Сергей Львович не сказал: дел, потому что прием, который оказали бы в Царском селе отцу его, был бы более чем сомнительным.

Он вскоре успокоился. Пандельский на Корфу, ни спросил сына, каковы его успехи, и выразил желание поговорить с директором. Нескромно

возвзился голос, он освесомилась, посетил ли сына Александр Извознич Турецким, как обещал и как он с том самшала от Николая Михайловича Карамзина.

Имена провалили свое действие: Корф ожилась, и общий разговор заважался. Инспектору Пилецкому достала — Корф была против установившейся системы обращения с подданными.

— Сын — мой, — говорил он, — следовательно, и моему на него право. Как на свое собственность, а не допускать пользоваться законом собственностью есть преступление.

Корф был закончен. Александр спросил о матери и сестре. Мать жаловалась, что письма его кратки. Он спросил об Арише: — где она?

Сергей Львович назвал вопрос неуместным.

— И Ариша и Никита, ты же la finia — сии здоровы! — сказала он усмехаясь. — Что им заделает? Вы не спрашивайте о своем брате, сын мой.

Под конец Сергей Львович спросил, не нуждается ли Александр в чем-нибудь.

Неожиданно Александр ответил, что ему нужны деньги.

Сергей Львович был неприятно поражен.

— Но ведь тетушка твоя Анна Львовна давала тебе, помнится, сто рублей, — сказала он мрачно, — сумма немалая. Кстати, она просила у тебя, друг мой, не стесняйся, деньги твои, — но рассказав, как расходуешь ты их.

Узнав, что Александр получил от дядюшки Василия Львовича, которому деньги были даны на хранение, всего три рубля, которые потратил на орехи, Сергей Львович оторопел.

— Точно ян, друг мой, ты поминешь? — спросил он, задолбавшись. Потом, сразу уверясь и глядя в сторону, он сказал спортивной: — Пришло тебе с первой охоты, а дядюшка напомнил. — Пилин матери, друг мой; письма твои для нас бесценны.

Он торопливо простился с сыном, медленно вынул обложку и шепнул, недовольный, побрел к своему вывозу, поглядывая на дорожку. Встретив с его обитателями и приваженный поворот карьером, которые он с такою живостью воображал, не состоялся...

Э то было похоже на болезнь: он мучился, ловил слова. Приходил к рифмам. Потом он читал и поразился: слова были не те. Он вычеркивал слово за словом. Рифмы оставались. Он начинал приходить к тому, что слова не те и что не слишком много: как бы то ни было, это были стихи, может быть, ложные. Он не мог не писать их, но потом в отчаяние рвал.

Стихи иногда писались по ночам, утром он не забывал. Однажды приписывался ему Натан. Вся ночь продолжалась бред, каменный, тихий. К утру от проснувшись, испуганный и удивленный — что это произошло, чего он не мог объяснить, что-то изменилось навеки: он домился строку, поспешил: «Свет-Натан»; вместо рифмы была поделка. Так он и не понимал, что ему случилось в эту ночь: Натан или стихи? Но записал в своей тетради: «Свет-Натан».

Он ничего никому не читал. От Корсакова, который попросил у него стихов для журнала, он отвернулся. Казалось, ему тяжело было созвучаться с стихом, как в преступлении.

То, что говорил Купчин о разуме, страсти и гражданстве, горжало было напоминанием ему о стихах, чем меньше Купчинского, который только о стихах и толковал. В переписанных Купчиним не было ничего лишнего: самые слова «свобода», «разум», «страсть» казались предназначенными для стихов — рифмы сами приходили и доказывали принадлежность мысли.

У него было любимое место в жизни: там он прятался от Пилецкого, туда незаметно ступался, когда приходила охота гнуть перья, мать бумагу, скупить зубами — то есть писать стихи.

Она была галерея, арка, соединявшая лаву с фрейлианской флангелем. Она вела над дорожкой.

Александр поделу глядел в окно: справа была парк, слева — прекрасная аллея.

В галерее устроили, наконец, библиотеку, и там выдавались им книги. Книги были скучные: история древности, география, путешествие по Нилу, Вольтер — только история Карла XII.

Он полюбил скучные книги. Они были неторопливы и точны даже и тогда, когда описывались события быстрые или малоизвестные. Особенно он полюбил путешествия и сборники изречений: зряние истины, иногда до странности очевидные, стояли стихом. Путешествие одного Львовича в Париж. Он начал читать, наслаждаясь медлительностью описания встреч и впечатлений своего кифа. Скид был почти из тех историй, что вела и Малиновский, ибо древнее Мотильское озеро, на берегу которого он жил, было не что иное, как Азовское море. Диний и девственный умом и сердцем, Алазарес стал нарваться с мудрецами афинскими другом Солон, он слушал афинских софистов, не доверяя им.

Шкапы иногда забывали запирать, и он, приютившись и охоту, читал. Здесь он прятался от скучных вещей: математики и немецкого языка.

Он являлся, что не мог заставить себя учить немецкие вокабулы. Немецкий язык казался ему плох: Гауссина, жуа акриду, читал стихи Олди.

Он надвинулся, вывернул несколько слов, остальные шипел. — Пилецкий выследил Александра. Он был спрятан от него в глубокой явред, что вела с фрейлианской палатиной, но был извлечен с торжественным. Ему погрозил пальцем, но, впрочем, ничего не сказал.

Пройдя однажды мимо него по коридору, как всегда, Пилецкий вдруг арду повернул, уламываясь, взял его за плечи. — что это ты делаешь и желая покорить негиде. Александр утвердился довольно руде. Он был шепотом и не терпел прикосновений. Пилецкий, пожег-нимо уламывая, спросил Александра, почему он не хочет давать стихотворений своим Корсакову. Благодарное чествование — похвалы, неуто-го его не превращает в писателя, который, конечно, что свидетель, если стихотворение появится в выписанном журнале? Может быть, ему не хватает пособий, и он хочет их получить? Елеал пособие будет

Пилецкий выследил Александра...

надежно, оно точно ему будет доставлено. Пусть назовет, и все ему доставится.

Александр молчал. Ничего не ответил о стихах, он назвал одну из другой книги, которую Ариша сунула в его бауля и которую Чироз отдал по приказу Пилецкого.

— Знаете ли вы, мой любимый, — спросил Пилецкий, — что это за книги?

Не дожидаясь ответа, он сказал все тем же ровным тоном и уламывая: — Забудьте эти книги, Поудайте об этом. Я даю вам три дня. Потом приходите ко мне — я буду ждать вас.

Уже запавая, он быстро спросил Александра: откуда взялись у него эти книги, что дал их ему?

Узнав, что книги из отцовской библиотеки, Пилецкий усмехнулся. — Непонятно же вас снабдил родитель! — сказал он.

Потом, взглянув и посмотрев на Александра с какой-то грустью, он тихо спросил его: не случалось ли ему читать «Путешествия в Иерусалим»? Если Александр захочет, он доставит ему свою книгу, и Александр не пожалеет о времени, им потраченном.

И Пилецкий быстро захитала провал: нечно дельтавий, прохладявавший путь по всеу думам, всег напукаяющий.

Александр посмотрел ему вслеп и вспоминал, как торчали его огромные ступни ночью, когда мохал был похолом...

«Путешествия в Иерусалим» он не прочеал...

Александр Сергеевич Пушкин.

Портрет работы художника В. Тропинина (1827 г.). Воспроизведено с оригинала, хранящегося в Трипольковской галереи.

МЯТЕЖНАЯ ЖИЗНЬ

Предупреждаю читателей, что я не пушкинист и не занимаюсь специально биографией великого поэта. То, что я пишу, написано не исследователем, а внимательным читателем. Многие здесь все же будут спорить.

По отцу Александр Сергеевич Пушкин происходит из довольно знатного, но заурядного дворянского рода.

Родословные русских дворянских домов, вообще говоря, спорны и редко достоверны. Пушкин производил свой род от прусского выходца Радина, приехавшего в Россию при Александре Невском.

Отцу Александра Сергеевича Пушкина Сергей Львович получал хорошее образование.

Это был расточительный и в то же время болезненно скупой человек. У него не хватало энергии на свои собственные дела, зато он усердно занимался чужими. Сергей Львович рано разорился, а Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве¹, на Немецкой улице, в доме, переделанном из какой-то конторы, развалился в обстановке, почти бедной и безалаберной.

Со стороны матери Пушкин — перд или абиссинец. Вот что писал об этом сам поэт:

«Антроп со стороны матери происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Ангибала из 8-го моего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, вымучив его, послал в подарок Петру Великому, который и крестил его в Вальде...»

Мать Пушкина в тогдешнем обществе называли «прекрасной крокодил». Она была кариэвизна, вспыльчива и упрямка.

Дядя поэта Василий Львович был известным поетом своего времени с большими литературными связями.

В то время в Царском селе, во флигеле дворца, который освободился, когда вышел за муж все великие князья, было решено оторвать императорский лагерь на 50 воспитанников.

В 1811 году лицей открылся. Его задачей было воспитывать из дворца будущих крупных чиновников.

Так как дело шло о том, чтобы освободиться от лишних хлопот и семейных обязательств, то Сергей Львович и Василий Львович нанимали в себе слуг на хлопоты и Пушкин был отдан в это приватизированное учебное заведение.

В лицее учился немало, но бесцельно. Среди преподавателей были молодые люди, недавно вернувшиеся из чужеземия в Европе Геттингенского университета.

По тетрадкам друзей Пушкина, по их дневникам видно, чем тогда интересовались лицеисты.

Будущий декабрист? Вальтерам Котлябевкер составляла для себя словарь, суммируя правила поведения, которыми надо будет руководиться в жизни. Вот выписка из словаря: «Рабство».

Несчастный народ, находящийся под ярмом деспотизма, должен помнить, с кем хочет разорвать узы свои, что tyranny положить на ярмо, которое суживается от сопротивления. Нет середины: или терпи, как держат тебя на веревке, или борись, но с твердым намерением разорвать тесно или удавиться. Раба, чтобы умножить узы на нем быть пугливым».

Лучшие из декабристов боролись до конца и погибли.

Лицеисты ощущали историю.

Шли наполеоновские войны.

Барская дорога пролегла мимо Царского села.

Царское село, резиденция государя, было полно трепетом, надеждами, востаном и неудачам.

Лицей переживал события войны, лицей полновластно, обсуждая смену полководцев 12-го года. Лицеисты хорошо знали дворца, и многие из них хорошо умели презирать соследи.

Лицейские сади прекрасны, они украшены лампетиками, статуями.

Статуи отрывали Пушкину картины исторического прошлого. Он хорошо знал мифологию, знал, что изображают эти мраморные фигуры.

Ощущение истории, знание французской предреволюционной литературы, знание классики, воспринятые через мифологию, выматывало Пушкина и определяло его первые стихи.

Пушкин писал:

«... безмолвны огромные чертоги,

На сводах опираясь, нутся к облакам.

Но здесь ли мирные дни веки зномят боги?

Не сль Мишером росской храм?»

Пушкин на акте в лицее декламирует стихи Державину. С картины И. Репина.

Так волея Пушкин в первый период своей поэтической жизни, так стал он поетом восточной школы.

¹ Декабристы — члены тайных революционных обществ, подавившие восстание царицы 14 декабря 1825 года. Восстание было подавлено Николаем I. Но оно сыграло огромную роль в истории революционного движения России. «Протестом интеллигентного дворянства, бегавших без поддержки народа. Но лучшие люди из дворянства хотели разбудить народ» (А. С. С. Т. XVI, стр. 375).

Учителя изложил, что в Пушкине более остроумия, чем глубокомыслия. Учился Пушкин средне, но в 1815 году на одном из публичных лицейских экзаменов имел успех, прочтя перед экзаменаторами поэтом того времени, Державиным «...» о Царском селе.

Лицейские годы были счастливейшим временем в жизни Пушкина. Здесь он полюбил поэзию. Дружба с лицейскими товарищами — Котлябевкером, Дельвигом, Пушкиным — продолжилась через всю его жизнь.

9 июня 1817 года Пушкин получил свидетельство об окончании лицея. Кроме этого документа Пушкину за его жизнь других не выдавали. Он так и считался всю жизнь, показывая вместо паспорта диплом воспитанника лицея. С ним не знала, что делать, из него готовили лицей или чиновника или придворного поэта. А он стал народным поэтом. Для такого не было ни места, ни паспорта.

Печатались в журналы, выгнать восторг своими стихами Пушкин начал очень рано.

Три зимы провел он в Петербурге в тяжелых материальных условиях. Квартира его отца была далеко от центра, у Канкина моста. Тула, в мороз, не имея подстилки на извозчика, бегал пешком. Пушкин, как вспоминает он об этом в своем письме к брату.

В это время Пушкин уже работал над своей первой «Русан и Людмила» и посещал литературное общество «Арамакс».

Петербургская жизнь Пушкина кончилась катастрофой. Засел написал он оду «Вольность». Рассказывают, что написано это стихотворение на Фосфорике, в доме, из которого выгнали дворца, где был убит император Павел.

«... Самовластные люди,

Тебя, твой трон и звание,

Твою побегла, смерть

Летей

С жестокой разностью

Виду».

На рукописи этого

стихотворения в строку

вставлен нарисованный

портрет Павла I.

Она совершенно ясно

направлена против

Александра, которому она

угрожала судьбой Павла.

Царская власть решила

наказывать от Пушкина.

Предполагалось сослать

поэта в монастырскую

тюрьму на Соловках или

в Сибирь.

Друзья Пушкина и

среди них поэт Жуковский

хлопотали о нем, и

Пушкина отрывали до

волью милостью в распоряжение генерала

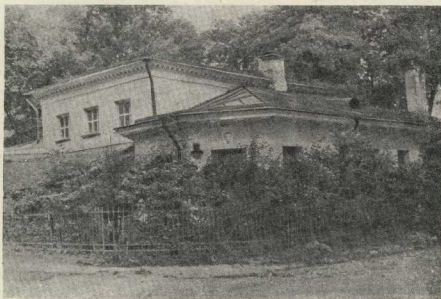
Израева посылать колонистов какого края.

Это объясняется тем, что правительство чувствовало себя не очень уверенно. Та группа, к которой принадлежал Пушкин, — группа лучших декабристов — был сломан. Пушкин пользовался поддержкой общественного мнения, которое уже тогда вышло в нем крупного поэта.

Неудалого до мысли был пущен слух, что Пушкин тайно выехал. Этот способ борьбы с поэтом — способ оглаживания его — приме-

Здание лицея в Царском селе. Со старинной гравюры.

Домик де Фортиссона — учителя музыки в лицее. В этом домике устраивались еженедельные литературные собрания. Здесь впервые Пушкин встретился с декабристами.

написал к Пушкину в память его смерти. Вязения Пушкина болели и потому его хотели унизить.

Друзья утешали Пушкина, и он уезжал на юг.

В Ектеринскае Пушкин заболел, его взяли к себе члены генерала Раевского, и с Раевскими попал Пушкин на Кавказ.

С кавказских вод он поехал в Крым и ночью на корабле написал великое свое стихотворение «Погасло дневное светило». Это стихотворение полно мечтами о бегстве:

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся следом милой, бурной океан.
Лети, корабль, яси меня к пределам дальним

По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей.
Стройни, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где муз нежные мне тайно убаюливали,
Где рано в бурях отделила
Моя потерянная молодость,
Где легкомыслие заменила радость
И сердце чуждое страданию предавала.

Из Крыма, посетив Бахчисарай, отправился Пушкин в Кишинев. В Кишиневе он жил бед-

но, посещая трактиры, записывая молдавские песни и в то же время изучал английский язык.

Он умел много и хорошо работать. Шлимы окружали Пушкина.

Его друзья знали, что за Пушкинским садят, и что не принимали в знаменитое общество, боясь дать нить для слески.

В это время Пушкин написал много лирических стихов, поэму «Кавказский пленник», подготовил «Братца разбойников» и «Бахчисарайский фонтан», написал поэму «Гавриинада». Он был известен уже всей тогдашней читающей России, стихи его были везде, ими восхищались и ими пользовались как средством пропаганды.

Из Кишинева послал Пушкин в Одессу, Одесса была большим городом с итальянской оперой, с разнообразием наслаждений.

Круг знакомых поэта в Одессе был широк. Он посещал итальянскую оперу, бывал в ресторанах, играл в карты.

В Одессе Пушкин столкнулся со своим начальником, графом Воронцовым, о котором написал эпиграмму:

«Полугерой, полу-невеселом,
К тому ж еще полу-полющем!..
Но тут однако ж есть надежда,
Что полный будет наконец».

Сохранились письма Пушкина к Воронцову: «Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу с графом Воронцовым, а еще менее на его покровительство... Я жажду одного — независимости, я надеюсь обрести ее с помощью мужества и постоянных усилий».

Независимости Пушкин добивался литературным трудом. Он был одним из первых писателей-профессионалов.

В стихах его встречаются полуповели. Он писал в стихах о том, о чем никогда бы не решился сказать прозой. В «Евгении Онегине» есть такое место:

«Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — взываю к ней,
Брожу над морем, жду погоды,
Маю ветрила кораблей,
.....
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуценных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздымать о сумрачной России».

Конечно, Пушкин мечтал не об Африке и не о раздорах со своими африканскими родственниками. Он мечтал о Европе, об адриатических волнах, о странах, воспетых Байроном, думал о Греции, где незадолго до этого вспыхнуло восстание.

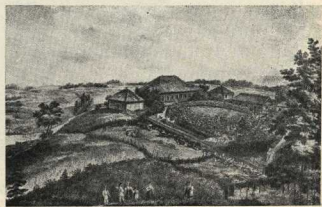
Граф Воронцов думал о своем спокойствии и торопливо писал донос. Он писал о том, что главный недостаток Пушкина — честолюбие, что он всего только слабый подражатель Байрона. «Евгений», — писал Воронцов, — Пушкин будет жить в другой губернии, он найдет более поощрения к знаниям и избежит здешнего опасного общества».

Донос был принят благосклонно. Пушкину пришлось написать, обращаясь к морю:

Моей души предаю желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умомом томил!
.....
Не удаюсь навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгом поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический лоб.
Ты ждала, ты звала... Я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я».

Это означало в прозе, что Пушкин получил предписание выехать из Одессы. На этом предписании он должен был расписаться в следующем:

«Нижеподписавшийся сам обязывается, по приказу от г. Одесского гражданскаго магистрата, без замедления отправиться из г. Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему».

Сельцо Михайловское. С литографии Г. Александрова, 1837 г.

ему прозванию, а по прибытии в Псков являлся лично к г-ну гражданскому губернатору.

Коллежский секретарь **АЛЕКСАНДР ПУШКИН**.

Пушкин приехал в Псков, а затем в село Михайловское, где была отаи под надзором отца.

Село Михайловское находилось в Псковской губернии, в глуши, около Святогорского монастыря.

Маленький дом, старый и бедно обставленный, стоял над обрывом, вдали озера, крутом лесу.

Отец не был рад приезду опасного сына. С отцом Пушкин поссорился. Сергей Львович кричал, что Пушкин его бил, потом говорил, что Пушкин лишь хотел его бить. Все это угрождало пошты монастырской тюрьмой. Вот что писал Пушкин псковскому губернатору:

«Государь Император! высочайше соизволив меня послати в поместье моих родителей, думаю тем обеспечить их горести и участь сына. Но какие обвинения правительства сильно действовали на сердце моего отца и раздражали мнительность, простительную старости и нежной любви его к прочим детям. Решенье для его спокойствия и своего собственного прощити Его Императорское Величество да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей».

Родители уехали. В пушкинской семье стало тихо.

Покамест, изречение мечами хохли Псковцы лежали среди лесов.

Латание паруса проходил по озеру, напоминая о море.

Зимой все заматала вьюга.

Пушкин жила в михайловской ссылке уединенно. Участие, заботу и русские песни — это все, что могла ему дать старая нянька Арина Родионовна, его единственный друг той поры.

Пушкин писал брату в начале ноября 1824 года:

«... Стихов, стихов, стихов!

Это пища души. Знать ли мои занятая?

До себя пишу записки, обещаю покончить; после обеда еду к жером, вечером сапую сказки — и вознаграждаю тем недостаток прожитого моего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! Да, боем мой! Чуть не заблудил. Вот тебе задача: историческое, сухие известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории».

Пушкин мечтал о победе, вел переписку с друзьями. Любят не удавалось.

Перед восстанием декабристов Пушкин собирался ехать в Петербург и собственноручно написал себе паспорт на имя извощного сослуживца помещицы.

На полях черникова документа он парировал себя в шляпе, потом передала шляпу в лакейский карман. Он хотел угодиться, полагая, что он на ладо, за которое собирался себе выдать.

После известия о неудаче восстания Пушкин сжег много бумаг, писем. Он ждал ареста.

Сам Пушкин не был участником в заговоре, но стихи его находили у всех арестованных.

Третьего сентября 1826 года Пушкин был выслан в Псков и отсюда извещали прямо с фельдштерем в Москву. Пушкин считал, что его отправляют в Сибирь.

Пушкин велел строительно. В Москве он прибыл 8 сентября и сразу же был вызван к государю. В это время Николай стремился уменьшить количество политических врагов, сговориться с оставшимися в живых.

Пушкин разговаривал с царем уверенно, во время разговора он оперся спиной о стол.

Николай обещал Пушкину быть его цензором и освободить его от обычной цензуры.

Другая поэта Николая.

В театре публича принимала Пушкина как победителя.

Но скоро он понял положение, в которое попал.

Поэт привез с собой драму «Борис Годунов». Драма была переведена на цензурный язык, как теперь это выяснилось, передала ее на цензуру брату Пушкина — журналисту и сотруднику III отделения Фаддею Буатырину.

Пушкин у Пушкина в Михайловском. С картины Н. Ге.

Фаддей Буатырин составил доклад о песне, и на основании этого доклада Николай предположил переписать письма в роман. Четыре года боролся потом Пушкин за право напечатать свои вещи.

1826—1827 годы являлись в Москве. Его стихи (стансы), начинающиеся словами «В надежде славы и добра глужу вперед я без боязни, замышляю и себе как бы условием договора с правительством. Одновременно Пушкин написал послание декабристам:

«Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Одним тяжким недугом
Душа ликует в груди,
Темницы ружий, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут».

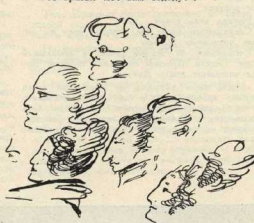

Рисунок Пушкина, изображающий декабристов: Волжского, Гребинина, Рыленко и помещицу помещицу (возможно, В. Ф. Волжского).

В 1827 году разрешено было Пушкину вернуться в Петербург. Петербург опустел. Друга Пушкина были на каторге, Пушкин уехал в село Михайловское и там под впечатлением юниг Вальтер Скотта начал писать исторический роман, который остался неоконченным. Зимой вернулся в столицу.

Оказалось, что полемские горалоу жид, чем думал поэт. Он получал выговоры от царя через Бенкендорфа¹. Пушкин хлопотал об отезде

за границу, просил разрешения поехать в Китай и получал отказ.

Еще раз попался Пушкин вырваться из плена. Без разрешения поехал в действующую армию, на турецкий фронт. По дороге он встретил поэта Грибоедова, убитого в Тегеране во время восстания.

В силен плаще, без оружия, развлекла Пушкин на передовых позициях. Может быть, он искал на фронте возможности перейти границу...

Бездомный Пушкин казался опасным правительству. Человек доказал был слышать и иметь сомненья.

В одном из писем Пушкин писал:

«Я являюсь, т. е. жертвою своей независимости, более бесцельной прихотливой независимости, строящимися без цели, усилением и непостоянством».

После нескольких неприятельских замечаний Пушкин сделал предложение Наталии Гончаровой, очень красивой девушке из разорявшейся семьи.

Он получил согласие и уже после свадьбы написал матери письмо, в котором рассказывал свое будущее:

«Если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спойного безразличия ее сердца, но, огорченная восторгами, поклонением, соблазнами, что спойкоистие будет ли в ней данность? Ей скажут, что единственно несчастный жребий помешал ей составить другие связи, более равные, более блаженные, более достойные ее. И не почувствует ли она ко мне страдания?»

Быть вынужденным умереть, чтобы ее оставить вдовою, блаженной и свободной выбрать нового мужа — эта мысль ала.

Женитьба увеличивала раскол. Он быстро начал входить в долги. Тут его постигло еще одно несчастье. Пушкин потерял популярность, хотя никогда он не писал лучше чем в эти годы. Это хорошо хорошо рассказывал Белинский:

«В то время, как он уже сам беспощадно смеялся над первыми своими понами, его дображдение, поклонение его бредил Пасканию, Чернышевскому, Заремаю, Марию, Гирем, Братвям разбойниками и только по какой-то робости подлаивая «Цыган», был бысье самопротравливать себя, как образованных судей извещено, или детски воспринимая песенно Земфиры и сценую убийства. Явный алкал, что Пушкин уже перестал быть выразителем нравственной настроенности современного ему общества, и что отсюда он уже являлся воспитателем будущих поколений. Но поколения возникают и образуются не днями, а годами, и поэтому Пушкину не

¹ Бенкендорф А. Х. (1783—1844 год) — шеф жандармов и начальник Третьего отделения. Ему были поручены Николай I и другие сослуживцы Пушкина и владар над поштом.

суждено было дождаться воспитанных его духом поколений — своих истинных судей».

Такие вещи, как «Поэтесса», последние и лучшие две главы «Онегина», трагедия «Борис Годунов», были приняты публично холодно, а некоторые журналисты с оскорбительным недоверием.

В театрах в водах Минеральных купались в Пушкине:

«И Пушкин нам наскучил,
И Пушкин надоел,
И стих его неучезен,
И гений охладел».

Но именно в этот период гений Пушкина достиг расцвета. Он стал художником-реалистом. Это понимал Гоголь, это понимал белогрибский. Пушкин увидел действительно так, как не видели его современники. Его хотели сделать историографом царской России, а он начал писать «Историю села Гурьевна», во многом преисполненную сатирическую историю города Гурьева, написанную по стопам Салтыкова.

...Росли долги. На счетах появлялись надписи, что заплачено 25 рублей, такого-то числа будет заплачено столько-то, и снова надписи.

Дался роман.

Д Пушкин яма на Мойке, мимо ездила Наталья И. влюбленный в Наталью Пушкину.

Для того чтобы Наталья Пушкина могла танцевать на приворонных балах, Пушкину дали приворонный чин камер-юнкера.

Он должен был сопровождать свою жену на балы. Он должен был занимать деньги у правительства и убеждать в том, что пререание хуже опалы. Правительством добивалась дискреция поэта.

Невозможно до смерти Пушкина стал издавать свой журнал. Он снова хотел добиться независимости. Но журнала не шел.

В 1833 году Пушкин собирал материал для истории бунта Пугачева. Одновременно пишет «Дубровский». В «Дубровском» описывается судьба молодого дворянина; ставшего разбойником. Не доживши «Дубровского» и продолжая интересоваться историей пугачевского бунта, Пушкин начинает писать «Капитанскую дочку». По первому замыслу, героем должен был быть не Гринев, а Швабрин — дворянин, примкнувший к Пугачеву. Восмешивая Швабрин, раздался на Гринев и Швабрин. Гринев и Гринев в «Капитанской дочке» с симпатией относится к Пугачеву.

Но нужно думать, что Пушкин был на стороне пугачевцев. Но рост его как художника-реалиста раскрыл ему правоту восстания. В то же время он боялся его.

Для сбора материала о восстании Пугачева Пушкин поехал зимой в Оренбургские степи.

Пушкин записывал рассказы казаков о восстании. Многие из них были введены им в текст книги. Вот один из эпизодов:

«У Озерной старой казачки (Разина) каждый день бродила над Янком, клочком пригребая к берегу плавающие труны и приторговывая: не ты ли мое дитяще, не ты ли мой Степушка? Не

тыли ли черным кудри снежа вода мост? И, видя или незнакомо, тихо отталкивал труну».

На полях рукописи перед этим местом Николай Первый написал собственноручно: «Лучше выслушать, ибо связь ниту с делом».

Пушкин в этой записке соединил воспоминания о Разине с историей Пугачева.

Семейные дела Пушкина в это время чрезвычайно осложнились.

За женою Пушкина ухаживал французский бездарнейший Дантес, человек, убежавший от французской революции 1830 года. Молодой кавалерьер Дантес обладал красивой внешностью и пытался сделать себе карьеру. Голландский посол барон Геккери усматривал в нем много французского.

Пушкин жил очень неспокойно. Поведение Геккери-Дантеса давало все поводы к ревности.

Пушкин вызвал на дуэль Геккери-Дантеса, но тот — чтобы избежать — объявил, что ухаживает не за женою Пушкина, а за ее сестрой. Брат Геккери-Дантес со словечками Пушкина состоялся. Теперь молодой кавалерьер на правах родственника мог встречаться с Натальей Николаевной.

Саули о том, что жена изменит поэту, дискредитировала Пушкина во мнении тогдашнего общества точно так же, как раньше позорил его саул о телесном наказании.

Пушкин жалелся перемены участи любой ценой.

Жизнь была невыносима, невыносим был камер-юнкерский мундир, который его заставлял носить и который, кроме, вероятно, должен был делать смешным уже немалого поэта.

Он пытался выйти в отставку, просил отпустить. Он мечтал поселиться в Михайловском, взять туда с собой книги.

Царь не отпустил.

Из ворованных кругов по всему Петербургу разползлась грязная сплетня о Пушкине и его жене.

В ноябре 1836 года Пушкин получил письмо, которое приносилало его к «Одному родственнику» (оргоносцу) называли обманутым мужем).

По понятию того времени, Пушкин не мог остаться безучастным к такому оскорблению. Сам он переживал эту историю мучительно.

Были основания предполагать, что письмо разослал барон Геккери. И Пушкин ответил ему резким письмом. Дантес вызвал Пушкина на дуэль, так как сам барон был стар и не мог драться.

Настал день дуэли. Секундантом поэта был старый друг по лицу, полковник Давыдов.

Стрелялся на Черной речке, в небольшой роще. Вместо барьеров положили шинели. Тот был описывает дуэль Давыдов:

«Место было выбрано, но множество снега мешало противникам, и секунданты оказались в необходимости протоптать тропинку... Оба секунданты и Геккери занялись этой работой. Пушкин сел на сугробе и смотрел на ровное

приготовление с большим равнодушием. Наконец, вытоптана была тропинка в аршин шириною и в двадцать шагов длиной...»

Дальше рассказывает секундант Дантеса-Геккери граф д'Аршиак:

«...Полковник Давыдов дал сигнал. Пушкин был у своего барьера, когда барон Геккери сделал 4 шага из 5, которые ему оставалось до своего места. Оба соперника приготовились стрелять; спустя несколько секунд выстрел раздался. Господи! Пушкин упал на шинель, служившую барьером, и остался неподвижным, лицом к земле. Секунданты приблизались, он до половины приподнялся и сказал: «Погодите! оружие, которое он имел в руке, было повернуто сием, он взял другое...»

Пушкин поднялся в Дантеса полулежа, Пуля пробила Дантеса руку. Пушкин видел, как Дантес падает. Он крикнул: «равно!» — и снова упал.

«...В саае, сильно сотрясавшись во время переезда по самой прямой дороге, он мучился не жалусь» (д'Аршиак).

Умирающий составил роостр своих делов. Он беспокоился о своей жене, говорил: «Люди ждут ее, думаю, что она была в эти минуты равнодушием». Он передал ей просьбу носить по нем траур две или три года.

Царь велел передать умирающему, что он позаботится о семье и детах, саял поэт умер христианством. Пушкину ставшая последняя забота.

Набережная была залужена толпой, необычной для Петербурга. Преобладали скромно одетые люди, были даже люди в туалетах... У дверей дома стояла военная охрана, не подпускавшая посторонних.

«Сюда могут пройти только друзья Пушкина», — говорил швейцар.

Какой-то бедно одетый человек ответил:

«Вся Россия — друзья Пушкина».

29 января 1837 года, в 2 часа 45 минут пополуночи, Пушкин скончался.

Смерть Пушкина произошла при обстоятельствах запутанных.

У постан его был присланный дарем лейб-медик.

Нужно сказать, что ему дали для противодействия лекарств опию, который скрепляет желудок и ослабляет перистальтическое движение кишек, и касторку, слабительное.

После смерти Пушкина Николай I написал сестре своей Анне Павловне письмо:

«Пожалуйста, саяви Вильгельму, что я обнимаю его и на эти дни пишу ему, мне много надо сообщить ему об одном трагическом событии, которое положило конец жизни великого Пушкина, поэта, но это не терпит абсолютности поэты».

О смерти поэта царь знал тайно, которые он не доверил поэте.

Дуэль Пушкина с Дантесом. Ксилографора художника П. Я. Павлюкова.

Последний путь Пушкина. С картины художника Н. Шестопалова.

Квартира Пушкина переполнилась народом, идущим к своему поэту.

Высший свет был на стороне убийцы Пушкина. Он ездил своего горю, у которого было три отчества: Франция — по рождению, Голландия — по приемному отцу, Россия — по месту службы.

Один доктор-поляк писал к себе на родину: «Бже население Петербурга, а в особенности черни и мужиков, возмущено, как в конвульсиях, страшно жалеет отомстить Дантесу. Никто, от мала до велика, не желал согласиться, что Дантес не был убийцей. Хотела исправиться даже с хирургами, которые лечили Пушкина, доказывая, что тут заговор и измена, что один иностранец ранил Пушкина, а другим иностранцам поручили его лечение».

Власти были извещены этим необычным для того времени проявлением общественного мнения.

Был объявлен, что отпевание состоится в Исаакиевском соборе, а тело ночью доставили в другую церковь.

Третьего февраля, в полночь, в каровых экипажах жандармский полковник, тело было положено в ящик и поставлено на дроги.

Жена цензора Никитенко, возвращаясь из Могилева, на одной станции, неподалеку от Петербурга, увидела простую телку, на телег соломы, под соломой гроб, обернутый рогожей. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы поскорее перепрячь курьерских лошадей и скатить дальше с гробом.

«Что это такое?» — спросила она у одного из находившихся там крестьян.

«А бог его знает, что! Вишь, какой-то Пушкин убит — его мчат на почтовых в рогоже, в соломе, прости господи, как собаку!»

Тело Пушкина было привезено на место его старой ссылки, в Михайловское, и похоронено там в ограде Святогорского монастыря.

На прощания с переводчиками сочинений Пушкина жандарм Дубельст написал: «Кому это нужно?»

Статьи о Пушкине были запрещены.

Лишь через год в «Современнике» появилась анонимная статья «Литературные утраты». В ней упоминалось о смерти Дмтриева, о давней смерти Карамзина, а в конце говорилось о человеке, который «мог бы оправдать надежды, возлагавшиеся на него страной», и сообщалось, что на кресте над могилкой этого человека написано имя «Пушкин».

Никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в аксиоме, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более аскет, он более раздвинул ему границы и более показывал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в полном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет...

Не через двести, через сто лет явился новый человек, который почувствовал Пушкина своим современником.

Пушкин приблизился к нам революцией.

Великий писатель часто носит в себе противоречия своего времени. Он не только родился эпохой, но и одновременно опережает ее, создавая предпосылки к замене старого новым.

Великий писатель прошлого очень часто был не призван и несчастен.

Образ непознатоного вранца и неопознанного гения — обычный образ XVIII и XIX веков. Писатель создается своим временем, но переживает его, имея в себе элементы будущего.

В судьбе великих писателей важно не то, что их соединяло с их родными и двоюродными братьями, а то, что их связывает с нами.

Уже современники видели в митской жизни Пушкина, в его борьбе за радость, в его полноте черт будущего человека.

Н. В. Гоголь писал в 1832 году:

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле,

Литейский автопортрет Пушкина.

О ПУШКИНЕ

Мы помещаем отрывок из статьи основоположника пролетарской литературы Максима Горького о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине.

30 лет назад Максим Горький задумал сочинение «Историю литературы для народа». Горький написал для этой истории несколько характеристик выдающихся русских писателей. Помещаем ниже отрывок — из числа этих работ Алексея Максимовича.

Полностью статья А. М. Горького «О Пушкине» с комментариями тов. С. Бахмута печатается одновременно со «Сменой» в № 8 журнала «Литературная учеба».

«Пока Пушкин шел тропой романтизма, прототипом для него, пока он подражал французам, Байрону, Баттлову, Жуковскому,—общество, замечая его удивительный талант, ценило музыку нового стиха, одобряло поэта. Но как только он встал на свои ноги и заговорил чистым русским, народным языком, начал вводить в литературу народные мотивы, обогатил нашу жизнь, стал изображать жизнь реально, просто и верно,—общество стало относиться к нему насмешливо и враждебно, чувствовать в нем строгого судью, беспристрастного свидетеля русской пошлости, невежества и рабства, жестокости и холопства перед силой власти.

Про него говорили, что смысли в Сибирь за месяца ему смелой в Одессу, потому что он поволакивал себя вместе. В Одессе его травили, рассматривая как смельчака, мелкого чиновника, не считая с его дарованием,—он олобывался и бегал выжидать «противоположительные течения» от раннего демократического гордыства таланта и ума, то свое 600-летнее дворянство».

В семье к нему относились подозрительно и грубо: отец даже однажды обвинил поэта в покушении на убийство, что грозило катастрофой.

Его травил Бугарник, искалечил цензура, Бенкендорф преследовал изговорами. Стихотворения «Моя родословная», «На выдворении Апухтина» и насмешливые четверостишия визжали, наконец, непереносимую злобу к поэту, ловкие люди искусно раздували общее мелодрамачество к нему, наконец, против него была издана в ход клевета, и,—вскоре его застрелили.

Его судьба совершенно совпадает с судьбой всякого крупного человека, волею истории поставленного в необходимость жить среди людей мелких, пошлых и своекорыстных—вспомните Аларда хт Вилли и Микаэла Алдаса. Пушкина для русской литературы—такая же величина, как Леонардо да Винчи для европейского искусства. Мы должны уметь отделить от него то, что в нем случайно, то, что объясняется условиями времени и личности, уяснившись:

мы властными—все дворянское, все временное—это же наше, это чуждо и не нужно нам.

Но именно тогда, когда мы откинем все это в сторону—именно тогда перед нами и встает великий русский народный поэт, создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа (Евгений Онегин)—автор лучшей нашей исторической драмы («Борис Годунов») —поэт, до сего дня не имевший ни в красоте стиля, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт—редчайшим образом великой русской литературы.

Потому что раз его самонаблюдения—они поучительны, как взгляды поэта на задачи его в жизни:

«Грешит ли верою в асу глумом,
Трубит ли гор, гремит ли гром,
Поет ли дева на холмах,

На всякой зыб
Своей стелке в волды пусти
Рыцаря ты вядру,
Ты минувшия прощайте грехи
И гласы бури и вала,
И вочев классики вступай—
И шаешь ответ:
Тобо ж нет ответа... Таков
И ты, поэт!»

Детской явлено томию,
В пустыне красной я вальсирую,
И нестерпимой сироты
На перекрестке мы являю.
Пустыня летняя, как сон,
Моей вину кокетства он:
Отвернулся вечно владыка,
Как у излучины океана,
Моей унылости не внемлет:
И не выслушаю шу и внемлет:
И вала я неба содрогало.
И горной впадины пламя,
И гад морские подальней зои,
И деланы заны превращены.
И он в пустыне млею покоем,
И вала грешной мой язык,
И проклятой и вала,
И мало мудры заны
В эту вальсирую нею
Намоя дельнейшею краскою,
И он мне гласы раски мечом.
И орады тропинке вину,
И уны, смядющий огнем.
Во гуды отступит волнана,
Мил троп, в пустыне я вала,
И бора глас во мне возбудил

(Отрывок)

«Востань, пророк и владыка, и востань,
Испавшись валею воям,
И бора глас во мне возбудил,
Глаголюм млею гласы людей».

(Прерыв)

Что же дает Пушкин читателю-пролетарию? Во-первых, на примере его творчества мы видим, что писатель, богатый знаниями жизни,—так сказать передовой опыт—и своим художественным обобщением (в образе Евгения Онегина, графа Нулина, Дубровского и т. д.) выходит из рамок классовой психики, возвышается над тенденциями класса и объективизирует нам этот класс—с внешней стороны—как неудачную и нестройную организацию части исторического опыта, с внутренней—как личность своеобразную, полную непримиримых противоречий.

Несомненно, что Пушкин—дворянин—он сам одно время кичился этим,—но нам важно знать, что у нас в своей осязательности и духу тесно и духом дворянских традиций, понял интеллектуальную нищету своего класса, его культурную слабость и—отринул все это, всю жизнь дворянства, все его пороки и слабости с поразительной верностью.

Чисто и резко классовый писатель стремится представить свой класс замаской и собственником несприимых социальных истин, которые для всей массы народа имеют обязательное значение, для всех властей догматыми, требующими безусловного подчинения им—такой писатель изображает идеи, чувства и верования своего класса как единственное правильное, полное и верное отражение всей стороны жизни,—всего опыта человечества.

В примере Пушкина мы имеем писателя, который, будучи переполнен впечатлениями бытия, стремится оторвать их в стези и прозе с наибольшей правдивостью, с наибольшим реализмом, чего достигал с гениальным умением. Его произведение—драгоценное свидетельство умного, знающего человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи,—все они суть гениальные иллюстрации к русской истории.

Писатель классовый, группирова свой взгляд на слабому интересам своего класса, говорит нам: «Этот истин, извечная мною из наблюдений над жизнью человеческой,—иной истин нет, не может быть!»

Это—приврачение телаческой одного класса в догмат, обязательный для всех других, это проповедь необходимости подчинения всей массы народа моральным и правовым нормам, выходящим только командующей силой; здесь искусство приносит в жертву интересам вступавшей политики, изводится до орудия борьбы и—не убеждает нас, ибо мы видим как чувствуем в нем внутреннюю фальшь.

«От кого бы я ни проходил,—говорит Пушкин,—образ мысли моих от этого никак бы не зависел».

Это слова человека, который чувствовал, что для него интерес всей жизни выше интересов одного дворянства, а говорил он так потому, что его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса.

Советские дети знают и любят Пушкина. Центральный дом художественного воспитания детей им. А. С. Бубнова недавно провел конкурс детских рисунков к произведению поэта. Ребята прислали свыше пяти тысяч рисунков. Мы воспроизводим иллюстрации 13-летнего Мити Валяева к повести «Дубровский» и 14-летнего Гриши Шабалина к драме «Борис Годунов».

СКИТАНИЯ ПОЭТА

На этой карте показаны маршруты походов Пушкина со стороны Керчи кавказца под руководством проф. Б. В. Томашевского и Н. А. Нерзо (сопоставление названия крымских городов с их нынешними названиями).

В «Путешествии в Арагуз» есть такие строки: «Дождь мой была глупая. Я поехал с проводником. Утро было прекрасное. Солнце сияло. Мы ехали по широкому луку, по густой зеленой траве, орошенной росой и каплями враньиного дождя. Перед нами блистала река, через которую дождик мой был переправился. «Вот и Арпачай», — сказала мне казак. Арпачай — наша граница! Это степняк Арпачай. Я пошел к реке с чувством нежного инстинкта. Никогда еще не видела я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное: с детства лет путешествия были моею любимой мечтой. Далеко восток и потом жизнь кончующую, скитаться по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырвался из пределов необъятной России. Я востро встал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я всё еще находился в России».

Никогда! Так и не пустил поэта за границу, и ему пришлось осуществлять свою «мечту» в пределах России. До выхода из лагеря, в 1817 году, Пушкин, кроме коротких поездок в подмосковную свою бабушку — Захарову, сходил лишь из Москвы в Петербург. Но по окончании лагеря он в течение почти двадцати лет исколесил Россию в разных направлениях, о чем красноречиво говорят прилагаемая схематическая карта путешествий поэта.

Многие из этих путешествий были следствием travels Пушкина, исследований его царским правительством. Пушкин использовал вынужденные свидания для обогащения своего творчества. Страсть к передвижениям, влюбленность в впечатлениям очень характерны для всеобщей натуры великого нашего поэта.

Грудью переживая значение путешествий для Пушкина. Они не только давали ему огромное количество всякого рода впечатлений и изучали тем самым родной род произведений: путешествия в сильнейшей степени питали в поэте чувство любви к родине. Пушкин знал и любил Россию не отвлеченно, не теоретически, а на основании большого жизненного опыта, в котором много численные поездки играли, конечно, первостепенную роль. Когда поэт в своем «Мемории» провозгласил:

«Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой,
И назовет меня всяк ступив в ней
земе».

то это представление о многообразии великой России было для него жизненно реальным итогом его общения с многочисленными представителями разных народов, населяющих нашу родину.

Конечно, знание Пушкиным России

Булвар в Одессе. С автографии начала XIX века.

не было универсальным (но кто может похвастаться таким знанием даже в наше время железных дорог, пароходов, автомобилей и аэропланов?). Серьезные подробности Петербурга, западные Кавказа и восточные Оренбурга Пушкин не бывала. В Сибирь он только собирался съездить (неопубликованное свидетельство П. П. Ершова). И тем не менее район походов Пушкина охватывал.

Из сотен городов, губернских и уездных, сел, деревень, местечек, аулов, уметов, почтовых станций, где жила и бывала Пушкин, особенно с ним связаны, естественно, места, в которых он бывал не проездом, а жил более или менее продолжительное время или хотя бы останавливался. Конечно, зачастую весьма трудно отделить места, через которые только проезжал Пушкин, от мест, в которых он останавливался. С этой оговоркой можно составить такой список «пушкинских мест» (в нем автором выделены места, о пребывании поэта в которых имеются достоверные, более или менее обстоятельные сведения).

Москва, Захарово, Петербург (ныне Ленинград), Царское село (ныне Дetskое село), Новорязь, Михайловское, Троицкое, Святогорский монастырь (ныне Пушкинские горы), Петровское (Псковская губерния), Петергоф, Приютин (близ Петербурга), Павловск, Екатерининская (ныне Днепропетровск), Тавризм, Ахсай, Новочеркасск, Георгиевск, Константиновск, Пятигорск (при Пушкине назывался и

Годичевск), Желанновск, Кисловодск, Тамань, Керчь, Гурзуф, Батумисарай, Симферополь, Кавказ, Кавказ, Киев, Туль-

Кишиневский пейзаж. Рисунок Пушкина.

чин, Аккерман, Измаил, Одесса, Тирасполь, Бендеры, Херсон, Елизаветград (ныне Кирово), Александрия, Могилев, Коллино (Итеская губерния), Псков, Липово (Псковская губерния), Стеклово (там же), Баво (там же), Преображенское (там же), Камно (там же), Архангельское (Московская губерния), Опочка (Псковская губерния), Кроштанов, Стрельва, Маминки (Псковская губерния), Борново (там же), Павловское (там же), Погорелое городище (там же), Старичи (там же), Оро, Привиль, Уголок, Ардон, Валинвалла (ныне Охажинка), Ларе, Коби, Кизилет, Душет, Тбилиси (Тифлис), Самсикский пост, Гумри, Карт, лагерь на вершине Сопхульского хребта при реке Илизак-ст, Карауран, Керешини, Кассинала, Арагуз, Полотняный завод, Осташово, Гвер (ныне Калинин), Владико, Кистенев, Аджарико (Новгородская губерния), Ахуликов (там же), Платова (Московская губерния), Торжок (Псковская губерния), Ярпидо (Московская губерния), Ивский Новотора (ныне Горький), Кавар, Лапшев, Симбирск (ныне Ульяновск), Янгоско (Симбирская губерния), Самара (ныне Куйбышев), Оренбург, Берди

«Пушкин на пути в Арагуз». Карикатурный рисунок поэта.

(близ Оренбурга), Уральск, Саратов, Пенза, Голубово (Псковская губерния).

Больше чем за сто лет, протекших с того времени, как Пушкин был в этих местах, мало что осталось в них пушкинского, а самая память о пребывании поэта с годами исчезла. Отметим, что «княжеская пушкиниана» — богатая сервильная научная трудами. Именующиеся в ней сведения зачастую устарела. Необходимо, чтобы местные культурно-просветительные учреждения, в первую очередь краеведческие, поставили одной из основных своих задач изучение с пушкиноведческой точки зрения мест, связанных с именем великого поэта.

Из числа Москвы и Петербурга, из всех пушкинских мест самым продолжением справедливо считается Михайловское, имение матери поэта в Псковской губернии (ныне Пушкинского района, Калининской области).

Первые приезда сюда Пушкин в июле 1817 года.

В этот приезд завязались дружеские, не прерывавшиеся до конца жизни поэта отношения его с семьей соседей П. А. Осиповой, в усадьбе которой, Тригорском (в двух верстах от Михайловского), Пушкин проводил, надо думать, большую часть времени. Тригорское же поселили от стихотворцев «Простите, верные дубравы», где мыслова исцелила своих прохити «под дубовым сном, на слат Тригорского холма». Произошло это через два года, когда в июле—августе 1819 года поэт снова проводил отпуск в Михайловском. На этот раз природа и крошечной быт дали материала для знаменитого стихотворения «Деревья», в первой части которого помещен пейзаж Михайловского и его живописные особенности.

В третий раз поэт приехал сюда в августе 1824 года ссылаемым. В общем за восемь пребываний в псковской деревне Пушкин прожил здесь два с половиной года. Для переселенца поэта это довольно продолжительный период времени. Но связь Пушкина с Михайловским неизмерима, конечно, не только временем, прожившим здесь.

Пробывание Пушкина в Михайловском в ссылке в 1824—1826 годах — значительнейшая эпоха в его жизни и творчестве, когда определялся переход поэта от романтизма к реализму.

Интерес к русской истории XVI—XVII веков возник у Пушкина, конечно, под сильнейшим воздействием впечатлений от таких памятников старин Псковского края, как остаток городища Воронича аббата Михайловского, Савватерский монастырь, Опочка, Острог и самый Псков. Все эти места, свидетели военных и политических событий XVI—XVII веков, чрезвычайно содействовали тому настроению, в котором создавались трагедия «Борис Годунов». Не даром Пушкин в подражание загадлив атеистическим сказаниям XVII века придумал такое название своей трагедии: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» — писано было Александром Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче.

Но Михайловское с его острожными взглядами мысли Пушкина не только в поэзии резко сдвинуло. В нескольких верстах от усадьбы находилось Петровское, имение брата деда поэта — Петра Абрамовича Ганибалла (1742—1826), одного из сыновей «арана Петра Великого». Этому Ганибаллу Пушкин представлялся летом 1817 года. Рассказы самого П. А. Ганибалла соседней и дворян переносил Пушкина в XVIII век и уверял в нем то «сознание рода», которое было так прищепо поэту. От старика Пушкин получал уроки (на немецком языке) биографическая правда поэта. Эта рукопись послужила главным источником для исторического романа Пушкина «Арап Петра Великого».

В тесной связи с интересом Пушкина к истории стоит его занятие фольклором. Пушкина можно считать первым собирателем произведений народной поэзии в их подлинном виде. Из записанных поэтом народных песен сохранилось пятьдесят. Где, от кого и когда была записана эти песни, остается неизвестным, но известно, что начало собиранию было положено в Михайловском. Несомненно, большую роль в занятиях народным творчеством сыграла жена поэта Арина Родионовна. Бесспорно увлеклась Пушкин, записавший (в ноябре 1824 года) со слов Арины Родионовны семь сказок. Возможно, что и сказку, обработанную Пушкиным в балладу «Искан», он сам писал токс от жини. В «Эпигме вечере» поэт просит ее петь ему песни. Именитые сведения, что Арина Родионовна Пушкин читал народные сказы «Бориса Годунова», желая занять ее минимизм их извлек.

Главнейшее и любимейшее произведение Пушкина, «Евгений Онегин», в значительной своей части написано в Михайловском. Здесь была окончена третья глава, написанная четвертой и пятая, впервые написана вестия и начата седьмая. Если, по собственному признанию поэта, он «в четвертой главе изобразил свою жизнь», то теперь мы с полной уверенностью можем утверждать, что вся «евгенинская» часть романа — сказки пейзажа и помещицы быт — псковского происхождения.

Детером Совнаркома усадьба Михайловского с парком, пашнями и лесами, усадьба Тригорского с парком и мотал Пушкина в бывшем Савватерском монастыре обильные запоевником. Из постерок времени Пушкина в Михайловском сохранился лишь небольшой деревянный флигель, так называемый «домик поэта».

Дом, в котором жил поэт, давно уже не существует. Надо надеяться, он будет восстановлен к столетней годовщине со дня смерти поэта.

Сохранился слабо изменившийся за многие десятилетия парк с липовыми и еловыми аллеями, требующий серьезной реставрации.

В Тригорском цел прекрасный парк, но дом П. А. Осиповой не сохранился.

Родовая усадьба отца поэта — Болдино, Ни-

жегородской губернии (теперь Болдинский район, Горьковского края), не так тесно связана с Пушкиным, как Михайловское. Поэт был здесь лишь три раза, проводя в общей сложности около пяти месяцев.

В первый раз в Болдино Пушкин поехал не надолго, по делам: ему нужно было вестись по владению выделенной отцом частью имения. В это время существовала полтора. Крутом усадьба наваритим. Поэт пригласил был высидеть в усадьбе поэта три месяца (с 3 сентября по 30 ноября 1830 года).

Осень была изобильным для творчества временем Пушкина. Но никогда — ни до, ни после этой болдинской осени — поэт не знал такого могучего прилива творчества, каким был он, озадачен в эти месяцы короткого заточения. По приезде в Москву поэт написал Пастернака: «Слажу тебе (за тайну), что я в Болдино писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ую и 9-ую, восемь готовых в печати, поэм, писанную отгадками (стихов 400), которую выдал апоуине («Домик в Коломенном» — М. Ц.). Несколько драматических сцен или маленьких трагедий — имени «Скутой рыцарь», «Модарт и Салерн», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан». Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо! Еще не всё (весьма секретное — для тебя лично). Написал я провоз 9 повестей, от которых Боратынский ржет и бьется — и которые напечатать также апоуине».

Этот перечень, заключающий в себе almost законченные произведения, не исчерпывает всего написанного в Болдино.

Полдворница была и вторая болдинская осень, 1833 года, когда Пушкин на пять недель (с сентября по 9 ноября) закончил «Историю Пушкина» и написал «Малого всадника», сказки «О рыбак и рыбка» и «О мертвой царевне и семи богатырях», баллады «Воевода», «Бурные и его сыновья», «Анжелика», «Осен» и три черновых набросков.

В последний раз Пушкин был в Болдино осенью 1834 года (с 13 сентября по 10 октября). Вскоре по приезде он писал жене: «Я рад, что добрался до Болдина; кажется, мне более чем хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне было очень хотелось; не знаю, придет ли вдохновение. Вдохновение на этот раз не пришло. Кажется, только «Сказку о золотом петушке» и написал к эту осень Пушкин».

Место создания величайших произведений не только русской, но и мировой литературы — Болдино — заслуживает большего внимания, чем ему оказывалось до сих пор.

На месте, где был дом, в котором жил Пушкин, должен быть поставлен памятник, тем которого нужно вать произведения, написанные Пушкиным в Болдино.

Сохранившийся со времени поэта парк необходимо привести в надлежащий вид и обнести оградой. Необходимо также открыть в Болдино Пушкинский музей и библиотеку.

А. С. ПУШКИН

СТАНСЫ

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ли во многолюдный храм,
Сию ли жемчужной безумных,
Я предаюсь мыслям мечтам.

Я говорю: прощайтесь, голды,
И скажю здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны сны —
И чей-нибудь уж близок час.

Ганжу ли на дуб уединенный,
Я нисмо: патриарх лесов
Переживет мой век забвения,
Как пережил он век отцов.

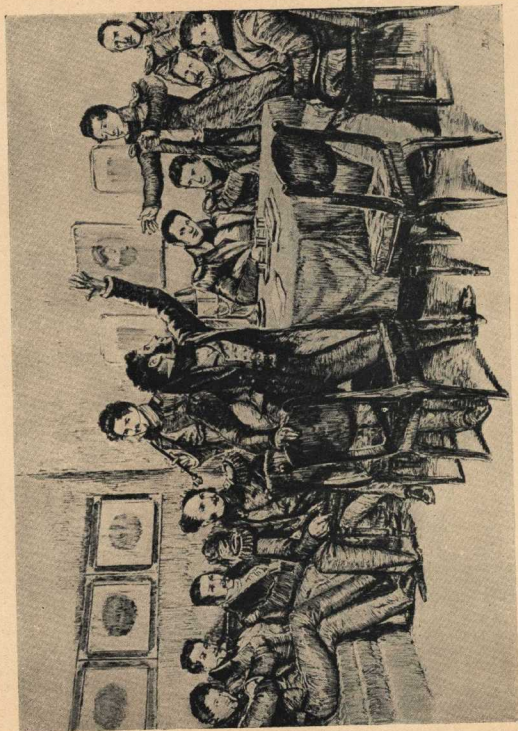
Мадленда блд многого лазко,
Уже и душно: прощай!
Тебе и место уступлю:
Мне прелез тельте, тебе цнестя.

Деня каплый, каплую году
Прымы и душою провозвато,
Грудащ смерти годовщину
Мен их старая угадаю.

И где мне смерть помет ступина?
В бою ли, в странствии, в волаж?
Или соседия долина
Мой прилет охладил прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду испытать,
Но ближе к ямному пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красною весною сиять.

Питием среди безбратов в Казанке.
Коринтия А. Коринтия (1934 г.).

ДВА ПОЭТА

Мне уже случалось вспоминать, как Владимир Маяковский писал свою поему «Облако в шталах». Дело было в Финляндии, у самого моря. Широко расстелая длинные ноги, он шатал по прибрежным камням, бурмача какие-то слова. Это продолжалось часов шесть или семь ежедневно. На людей он не обращал никакого внимания и загадывал на них только тогда, когда потухала у него папироса и он искал, у кого прикурить.

Вечерами приходило ко мне и читал у меня на террасе всю поему с самого начала, присоединяя к ней новые строки, которые написались в тот день. Эти чтения происходили так часто, что даже мои семилетняя дочь запомнила поему наизусть, хотя и не понимала в ней ни одного слова, и однажды, к ужасу родителей, продекламировала про свою рыжую кошку:

«Любовница,

которую выбойла Ротшильд!».

В поему Маяковского было столько новаторской дерзости, вся она так туго разрушала каноны привычной поэзии, что люди стораговенные возникали ее же изустия.

— Мы с женой посетили на Пушкине, и мне было слышно, как этот дохлый горланит у вас свои «Облака без шталах», — сказала мне однажды мой детский сосед Зелинский, профессор Медицинской академии.

У него были красивые бокалы уксуса, и он, считая себя любителем изысканной сложенности, часто удостоверял меня своими внигтами.

Теперь он заявил, что больше не может бывать у меня, так как «воспитан на Пушкине» и считает «Облако в шталах» профанацией красоты и поэзии.

А известный адвокат Бернштам, человек шумный, трусливый и толстый, притворяющийся широкой натурой, выбежал из-за стола, стул и фиалки, и, когда я провозглашал его дичи, рычал, охал, вскрикивал, хватался за голову, твердя, что он не может допустить, чтобы в его присутствии преступно коверкали «язык Пушкина, Тургенева, Толстого».

Маяковский гадал на него с веселой гадливостью. За три года своей литературной карьеры он успел уже привыкнуть к тому, что всякий трусоватый обыватель, опасаясь новой поэзии, обзаводит своим собственным Пушкиным.

Пушкин по закону непостижимым причинам сделался в те годы прикритием для всего скучного, тусклого, тривиального, трафаретного, чопорного. Всякая светская барыня, крошечная жидкая стилистка о розах, мимозах, ох и ночах, похвалялась своей близостью к Пушкину.

Пушкин стал знаменем самых косых, реакционных литературных крутов. Дворянский брат Николая II, Константин Романов, бесцветный, казенно-прекраснодушный гниль «К. Р.» называл себя «учеником и набожным почитателем Пушкина».

Во все гимназические Пушкинские завладели человеком в фулярах и сделали его светлее или темнее же пыльным, казенным и нудным, как греческие галгалы, закон божий, латиня. Че-

ловечейшего из людей, жизнь и поэзия которого были неукротимым отрицанием всякой мертвечины и фальши, окаянства, выдолбленности, сделали одной из ихон самодержавно-полицейского строя.

Маяковский рассказывал, что в Одессе его перед лекцией посетил некий «чичи» и сказал: — Имейте в виду, я не позволяю вам говорить недобросовестно о деятельности начальства... ну, там Пушкина... и вообще.

Как же было Маяковскому не возмущаться против этих двух — равно отвратительных — «Пушкиных»: «Пушкина» мармеладных эстетов и «Пушкина» российской полиции?

В России существовало тогда несколько «Пушкиных», и все они были фальшивые. Был, например, «Пушкин» символистов и мистиков, Владимира Соловьева, Розанова, Гершензона, Мерикерского, Льва Шестова. Этот «Пушкин» был тайнозвонец, религиозный шиман, и он толковал его стихи как таинств. В наклон его слова мне чудились «загадки», «иносказания», «пророчества», «пророзия», и они считали себя призываемыми для помощи библей и модного философа Фридриха Ницше развешать их «бессмысленной черни». Этот «Пушкин» был Маяковскому так же ненавистен, как и полицейский «Пушкин», ибо вселял «символический» был, по его словам, «душно-газной командой».

Чтобы продемонстрировать свою отчужденность от этих ненавистных людей, Маяковский заявил, издавая над ними, что он «обскабывает Пушкина с Корабля Современности». На всевозможных острадах Маяковский широко применял свой метод заведомо неверных цитат, приписывал Пушкину пошлые стихи, долая вяд, будто его запальчателское отношение к творчеству Пушкина доходит до таких колоссальных размеров, что он даже неспособен отличить пушкинские стихи от самых дрянных и вульгарных.

Это выходило у него очень эффектно. В Протрорге, в Тенишевском зале, он, помимо, процитировал по какому-то поводу такое удивительное двуступение:

«Скажи, где кончается наш поцелуй
И где начинается запах сирени».

И тут же прибавил: «как сказала Александр Сергеевич Пушкина».

— Маяковский, вы врете: у Пушкина этого нет!

— Ну, так у Раттауза! Не все ли равно?

Раттауз был убогий сочинитель романсово-балладных стихов, высоко чтимый обывательской массой.

Однажды в Москве (а те же годы) Маяковский дошел до такого кощунства, что заявил, будто стилисти пресловутого для Милей, славянского газетные рекламы о разных гильзах, табалах и папиросах, совершенно тождественны с пушкинскими. Приводя пушкинские строки: «Янтарь на трубках Царегарда», он утверждал, что не видит никакой разницы между этими стихами и четверостишием для Милей:

«Иду вперед: простор и дала,
Лазурь прозрачная небосвода,
Точь в точь бумаж Рис Рояль.
Что в чудных глазах Викторсона».

В 1919 году, когда я писал свою книгу «Некрасов», я как-то спросил у Маяковского (мы сидели вдвоем за столиком какого-то московского кафе), не было ли в его жизни периода, когда Некрасов казался ему выше чем Пушкин и Лермонтов. Он азия у меня карандаш и без всякого раздумья написал:

«Не сравнивал, в виду полного неинтереса к двум упомянутым».

Я засмеялся.

— Вы не на острада, Владимир Владимирович, и меня вам нравятся незначим. Вель я хорошо помню, сколько раз вы у меня в Кузнецком брала с книжками понок не только Венгерского многопоного Пушкина, но и Щеголева, и Лернера, и других пушкинских!

Но он оказался настроен воинственно и с той великодушной нетерпимостью, которая была основной чертой его личности, заявил, что для него в настоящее время «не в Пушкине дело, а в Пушкине», что он отдал бы всех Пушкинских, какие только есть на земле, за то, чтобы советские пушки прогнали из Сибири Колчака.

Для меня это был новый Маяковский — Маяковский военного коммунизма, — и таким я еще не видел его никогда. Я знал его больше по предположительному времени, когда он весь еще был в футуризме, когда всю свою боевую запальчивость, все свои силы борда-партизана он отдавал «Рыкающему Парнасу» и «Доходной луне».

Мне было странно видеть его поглаженным политикой, так что в то время, когда я познакомился с ним, он пытался удержать и себя и других, что искусство и политика —

«две вещи несовместные».

Мне было странно видеть его поглаженным политикой, так что в то время, когда я познакомился с ним, он пытался удержать и себя и других, что искусство и политика — «две вещи несовместные», что в искусстве являла только новая форма, что слово для поэта — самоцель, что в поэзии важно не что, а как». В тот анархический период его бытия он искренно мнил себя чистейшей воды формалистом, соратником Гоголаров, Бурлюка и Якулова. Он обвинял Пушкина в том, что Пушкин принимает поэзию, относясь к ней не как к «вещи в себе», а как к утилитарному средству — «выночному животному для перевозки знания».

Это было, так сказать, еще пра-Маяковский. И мне показалось, что в тот давний и краткий период он не только для полемик, а и по настоящему восставал против Пушкина.

Тут мне чудилось, что-то септантиское. Смутно вспоминаю далекие споры на эту ягучую тему: не с Маяковским было немаломало спорить, когда он все, без остатка, был замачив какой-

Собован футуризма.

«ибуль системой идей. Он принадлежал к той породе людей, которые не умеют верить и любить наполюину. В те годы, когда он служил футуризму, он видел в этом служении дело всей своей жизни, так что, когда футуризм потребовал у него отречения от Пушкина, он пошел даже на эту жертву, хотя Пушкина любил нежно и пламенно, даже сбрасывая его с «Корабля Современности», любил тайком от других, а может быть, и от себя самого.

Я вспоминаю, что около этого времени он не надолго утонул одной незамысловатой чуждой и, здесь на себя за это извинительное чувство, измученный, проводил в се обществе все вечера. Общество же у нас было скверное. Не имея сил уйти от нее и в то же время не желая слушать разговоры этих скучающих людей, он во время общих прогулок шагал на некотором расстоянии от всех, то отставая, то забегая вперед, и сам для себя декламировал Пушкина. Декламировал часами, потому что зная наизусть и «Гулабу», и «Полтаву», и «Медного всадника», и я заметил, что когда кто-нибудь из нас подходил в это время к нему, чтобы послушать его декламацию, в его голосе появлялся пародийный, иронический тон, слышно от немногого подсмеивался и над тем, что читает, и над собой, читающим. Но, оставшись один, он читал вполголоса и пылко, усаживая себя каждой интонацией, каждая ритмо-синтаксическая ходом стиха. Издали я часто наблюдал его в такие минуты. Как непохож он был на того Маяковского, который, стоя на эстраде, выкрикивал, что он

«Слов испуганных вопяет книжка
В лоб распухшего мальчугана»

Эта скрытая, подслушанная любовь к Пушкину прорывалась в нем даже в пору самой обостренной борьбы с пушкинизмом. В статье «Да Чехова» он, словно обомлел, называет Пушкина «всемым хозяином на великом празднике бракосочетания слов». Через два года, когда Валерий Брюсов сделал роковую попытку закончить «Египетские ночи» своими самодельными стихами, Маяковский вступился за Пушкина, который, по его словам, лишь потому не отомстил за надругательство над своей поэзией, что

«Его худал
Навек закован
а споконую к обиде меда».

Но вот кончилась гражданская война. Пролетарият, впервые в истории, приступил к ос-

воению величайших культурных ценностей прошлого.

Маяковский, стоявший к этому времени подлинным выразителем стремлений и вкусов победивших пролетарских масс, чтил себя вправе, наконец, во весь голос заявить о своей давней, подслушанной любви к «всемому хозяину» русской поэзии.

В русской лирике Пушкину посвящено очень много стихов — от Тютчева до Кузмина; о нем сказано много крылатых, восторженных слов:

«Тебя, как первую любовь,
Россия сердце не забудет».

(Тютчев)

Но самое сердечное, самое нежное сказано «старшим» Маяковским в стихотворении «Юбилейное», написанном двенадцать лет назад.

Другие поэты щедро называли свои сало-
лоны:

«Пушкин — это вдохновенье,
Русской музы воплощенье,
Наших лучших дум и чувств,
Это молодость и ласка,
Это старейшая сказка».

И ничего не вышло: бездушная трескотня комплиментов.

«Поэтический мессия,
Он велик, как вся Россия»

или что-то в этом роде.

Получалось черство и фразисто. У Маяковского же вся сила его стихотворения в том, что здесь он начисто отказался от этой традиции прославлять поэта пышными каталогами подобию странных эпитетов. В «Юбилейном» нет никаких фимиамов и гимнов. Маяковский обращается не к Пушкину-классику, не к Пушкину — кумиру эстетов и гимназисток, а к Пушкину-другу, единственному, который может понять и разделить его боль. Маяковский Пушкина на миг не сомневается в сочувствии Пушкина своим горестям, он доверчиво, по-дружески выкладывает перед ним свою душу, и это — лучшее всех выспренных гимнов выражает его нежность к Александру Сергеевичу.

Маяковский ненавидел слово «классик». В этом слове ему чудилось что-то застывшее, мертвое. Помню, с каким любознательством он расспрашивал меня об интимнейших подробностях жизни Некрасова.

— Зачем вам это нужно?

— А вы думаете, Некрасов — это чуждый

быст в вестибюле Кутанской 2-й гимназии, и на босе вымытых бумаж: «Сейте разумное, доброе, вечное? Нет, Некрасов тоже влюблен, плачущ, страдает от тогдашних Измайловых», и этот Некрасов мне в тысячу раз дороже и ближе чем тот, потому что тот — чуждый, а это — живой.

И Маяковский в своем «Юбилейном» превосходно «расчуживает» Пушкина:

«Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.
Навсегда
хрестоматийный гавнец».

Вм,
по-моему,
при жизни —
думую —
Томе буживали,
Африканец!

Тут уж от «чужа» ничего не осталось. Мы, смышленные «Юбилейные» из уст Маяковского, помин, с какой ласковостью он прона-
сил это «том буживали». И любовно, и тоскливо, с огромным лирическим взлетом: «Может,
я
один
действительно жаляю,
Что сетую вас в киним».

Когда это стихотворение появилось в печати, тогдашние критики обратили внимание лишь на его акцентированность.

Многие смеялись над тем, что Маяковский развязывается с Пушкиным, «летит в тень», назначает себе место для памятника и пр. и пр. Меня же больше всего поразило тогда интонация задуманной приязни к живому, всепоглощающей, родному и близкому Александру Сергеевичу, которыми окрылены эти стихи:

«Вот
когда и горевать не в состоянии,
Это,
Александр Сергееч,
много тяжеле».

И мне кажется, что теперь, когда с каждым днем все более крепнет союз многомалопонятно читателя с Пушкиным, мы должны внести в наше отношение к нему именно тот оттенок доверчивости, осерединенной, интимной любви, которую завета на продолжатель его дела — Маяковский.

1 Маяковский — один из предисловийных обматывающих критиков, судящих «Юбилейное» беззастенчиво.

СЕКУНДАНТ

Стихи Бориса Лобедова

Тяжелым не был

Скромный и невоинный

Тот ящик с пистолетом...

О, нет!

Он леток был,

по грузом ступодовым

Он навалился на полени мне

Когда я сел, нахвиря его полюю...

Герма мой слух половил диниш, визг,

Мне чудилось в нем: «Остановись!»

Прожитые лица кривились синевом...

Намстечу мне прочилась чья-то тройка,

Умерла в пар, как обложку мою...

Смесь прозвучал, раздался охри бойком...

Вот поворот... проспект... вот угол Мойки...

Кончалась Волфа... «Стой же, стой!»...

Толкнув кого-то, весь зашлепался,

В нем всебалел я, стужей обожжен...

Один, в угау, за столком сидел он,

В глаубое раздумье погружен,

Узнал меня и улыбнулся просто...

Был пятый час... тускнел билик дня...

Крочал мороз... Я кинула «Потопляй!» —

И мы помыслили в Троицком мосту.

.....

О чем он думал, уходя от мира?

Что вспоминал он, всеяли сны эским?

Изгляныла гуща? Лишь? Брета Салуга?

Сержающиеся плачи Наталы?

Я знала одно: сейчас, у Черной реки,

Мы слезем и пойдем по целине,

И пистолеты не дадут осечки,

И приприневе невозможно, нет!

Остановился. Шла в молчанье строгом.

Завела заглянула на странной высоте.

Уже вдали осталась дорога...

Нас на ошине поджидала те

Он шлепнул сца...

Под нем кудри взмохали...

Что творили естать,

надувала мерзлый грунт,

И слышала я,

как он сквозил зуби прокала

Мелкотелостность испуганных секунд...

Взвинула огонь...

Под визгом пистолета

Я ринулась,

Чтобы заслышала поэта...

И... тут проснулся...

Близился рассвет...

Драгоценные

В сагого, кто ачитывается в письма, дневники и воспоминания современников Пушкина и задумывается в обстоятельства гибели поэта, невольно охватывает тревожное и гнетущее ощущение рокового недоразумения, непонятной ошибки или недоговоренной, угаданной правды.

Я живо помню момент, когда впервые прочел горячие строки в письмах Вяземского¹ о смерти Пушкина:

«Ясно изложить причины, которые произвели это плачевное действие, невозможно, потому что многое остается тайным для нас самих, очевидцев. Ахские козны опутали их (Пушкина и его жену) и остаются под мраком. Время, может быть, раскроет их.

Чем больше думаю об этой потере, тем больше происшедшие обстоятельства, доныне бывшие в неизвестности и которые являлись закрывать раскрывать понемногу, тем более сербится обидаться кровью и слезами. Ахские козны, ахские козны были устроены против Пушкина и женой его. Раскроет ли время их волею или нет,—неизвестно.

Пушкин и его жена стали жертвами гнусной закладки».

Эти строки прозвучали как призыв в гласном асту, как крик о помощи,—нет, скорее, о мести. Значит, Пушкин—не жертва собственной ревности, а жертва каких-то «темных машин», Это замечательное ощущение, когда старый документ вдруг заговорит живым голосом, когда его строки неожиданно как будто адресуются прямо тебе самому, является моментом высшего волнения, чистейшей творческой радости.

Так и пришла к новому пониманию гибели поэта.

Все современники высказывали убеждение, что закладка драмы были анонимные письма».

«По городу распространялись письма, в которых его называли первым поименованным Нарышкиным рокомосем. На душе писавшего или писавшей их—развила трагедия: с тех пор он не мог успокоиться».

«Он оравал в сердце Пушкина смертельным злом. Он должен был вырваться из той, яды бы вместе с своей кровью».

Так писали ближайшие друзья, свидетели драмы, Тургенев² и Вяземский.

Почему же Пушкин был так болезненно уязвлен этим писанием? Безо Дantesом открыто уязвляла за его женой два года, и любой пошляк мог доставить себе низкое удовольствие поглумиться над поэтом? Или это означало напад на сходство подлинника Пушкина и Нарышкина, подчёркнутый Тургеневым?

Намек этот достаточно прозрачен: Нарышкин был мужественной красавицей, официальной фавориткой Александра I. Значит, кли-

плом» намекала на измену женой поэта не с Дантесом, как принято было думать, а с Николаем I. Тендеро понятно, почему Пушкин сошёл с ума от стыда и бешенства, почему дуэль и смерть Пушкина привнесла такое впечатление иностранцы, представителю высшего света, двора и 3-го отделения? и почему обстоятельства, приведшие к ним, всецело замалчивались.

Распространение подобного пасквиля было, конечно, не гнусной забавой случайного пошляка, а орудием замалчивания придворной интриги.

Драма Пушкина из личной, семейной, становилась общественно-политической. Гибель Пушкина волнует нас не только как утрата любимого поэта, но и как преступление самодержавия и придворной среды, которое должно быть раскрыто перед судом истории.

В свете такого понимания драмы Пушкина особое значение приобретает знаменитое письмо Пушкина к голландскому поэтине, барону Геккерну (принимому отцу Дантеса), явившееся непосредственной причиной дуэли и смерти поэта: в ответ на это письмо Дантес вызвал поэта на дуэль в тот же день, 26 января 1837 года.

Копию своего письма Пушкин прочел секундантам перед дуэлью и вручил ее Дантесу на случай, если будет убит. Несомненно, он ждал гласности, апеллировал к общественному мнению.

В этом письме Пушкина не говорится, однако, ничего о подлоем пасквеле. Между тем два месяца назад Пушкин счел своим долгом официально затевать Бенкендорфа, что составляли пасквиля и жаловались посланнику. Через два дня поэт был вызван к Николаю I, который объявил Пушкина воздержаться от обвинений Геккерну. Этим и объясняется, почему в январском письме к посланнику ничего не говорится о пасквеле. Однако еще до этого свидания, уже в середине ноября 1836 года, Пушкин на-

писал какое-то письмо Геккерну. Он прочел это письмо Солсбери. «Убий его задрожала, глаза налились кровью,—вспомнил Солсбери,—он был страшен». Повидимому, первоначально Пушкин хотел обличить посланника в тайных сетах и дуэли, отписав свое письмо на законный суд собрания. Он был вынужден отказаться от этой мысли.

Понятно, как значительна для нас утрата этого первоначального обличительного письма Пушкина. Не сохранилось ли хотя бы следов его в каких-нибудь черновиках?

После смерти Пушкина в вороне под писанным столом подобрали кучку голубоватой почтовой бумаги, испещренной черными пометами. Достаточно было белого заглавия, чтобы убедиться, что это были клочки письма к Геккерну. Друзья поэта разобрали их себе на память. Один из хранил, вероятно, Одолевский³, подарила свою часть клочки некоему историческому Заблудскому, а тот, в свою очередь, передал их (в 1870 году) редактору «Русской старины» Семескому, который подал, наконец, значение этих драгоценных обрывков. Он подобрал их один к другому, как составлял сказанные картины. В результате составился два письма по четыре странички каждое, но с большими пробелами. Семеский не решился восполнить недостающий текст или хотя бы предположительно осмыслить обрыванные фразы, несмотря на то что письма представляли две редакции одного и того же письма, притом очень близкие. Не удивительно, что при таком мелочистском подходе Семеский прочел многие слова неверно, другие же разорвал вовсе.

Между тем содержание этих писем далеко не совпадало с окончательной редакцией писем, отправленного Геккерну. В них 드러нулись подробности об уязвлении Дантеса и об отношении к ним поэта. В них заключались признание и требования, отсутствующие

¹ Вяземский П. А. (1792—1878 гг.)—поэт и критик, друг Пушкина и Жуковского.
² Тургенев А. И. (1818—1882 гг.)—один из образованнейших людей своего времени, много жила в Европе, друг Карамзина, Пушкина и Вяземского.

³ Тендеро отдаление—высший орган полиции—основана Николаем I после подавления восстания декабристов в 1825 году, занималась борьбой с революционными движениями, гонимыми на чужбину и патристичу.

⁴ Одолевский В. Ф. (1803—1889 гг.)—редактор и редактор ряда журналов, автор трагических повестей «Русские мечты и сказы для детей и взрослых».

от 21 ноября 1836 года. В письме этом, как уже упоминало, пост обвиняла голядынского посланика в составлении пасквиля. Шесть ключей из числа одиннадцати были прочтены пятавдате лет назад, но прочтены неверно, несомненно без попытки восстановления пробы. С помощью бланковой редакции этого письма, тщательно используя каждую сохранившуюся черточку, являющаяся же требовала констатации и возможности заполнения проб, мне удалось восстановить полностью и с совершенной достоверностью и этот текст.

Между прочим, я расшифровала фразу: «4-го ноября после общего собрания я получила три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для чести моей жены и моей». Естественно связать это «собрание» — бал или раут — с датой сообщения Дантесом Геккерю новости о поведении Пушкина и страхе его жизни. Очевидно, 2 ноября (или накануне) произошло что-то, послужившее поводом к составлению пасквиля. Другой существенной находкой оказалось, что в черновике Пушкин обвинял в составлении пасквиля не только Геккеря, но и Дантеса. Это объясняет, почему Пушкин не отказывался страдать с Дантесом из-за своего письма к Геккерю.

Эти шесть образков не исчерпывали всего состава майковских ключей. Остальные озадачивали образками черновиков письма Пушкина к Геккерю. Два из них писаны карандашом, три — пером и, очевидно, принадлежали двум различным листам. Вычитать из них что-либо связанное было невозможно. Но спустя год еще несколько ключей — тоже частью карандашных, частью чернильных — подарил мне Пушкинскому дому К. Я. Гротом. Это уже давало надежду на некоторый успех. Судя по всему, эти карандашные ключи были черновиками последней части озадачивающей (кварцовой) редакции письма Пушкина к Геккерю. Текст этих ключей удалось восстановить полностью. Пушкин здесь писал между прочим:

«Вы спросите меня, что помешало мне нас оскорбить (нас погубить) пред лицом нашего двора и нашего, и погубить вас в глазах общества, как я имел к тому возможность и намерение. Я поставил нас в положение, которое мстит за меня лучше, чем вы воображаете. Я сохранил еще оставить так эту историю — что я беру на себя и проч., — но думаю, и это повторю, чтобы все отношения между нашей семьей и моей были отныне порваны».

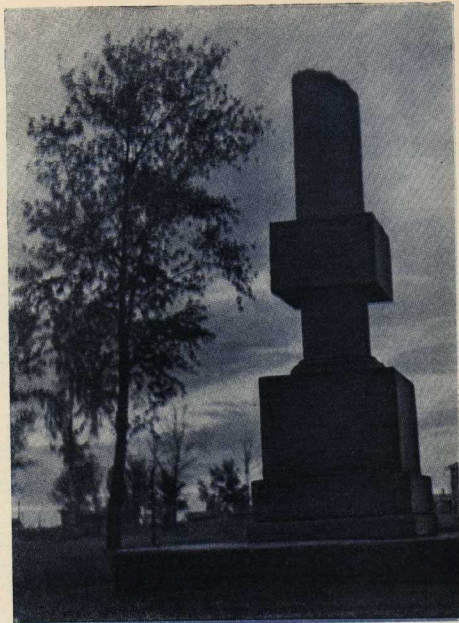
Здесь Пушкин, вероятно, имеет в виду свое заявление Белинскому, т. е. царю, о составлении голядынского послаником подлого пасквиля с намеком на Николая I.

Любопытна также фраза: «Я не хочу, чтобы бесцеремонный метод, г-н ваш сын, после всего, что произошло, смел обращаться к моей жене и представлять ей жалкое поведение свое как жертву имени».

Последнее слово заглажено, и фраза не дописана. Вероятно, Пушкин хотел сказать имени, священного для него, т. е. имени Николая I. Если бы дело шло об оскорблении имени Н. Н. Пушкин, то, очевидно, сказано было бы Пушкину говорить об этом обидном.

Черновики ключей представляют обрывки нескольких листов, вставленных с одной стороны и слишком разрозненно, чтобы прочитать в них что-либо связанное, тем более что они сильно перемешаны.

Однако и здесь удалось расшифровать очень существенные подробности. Фраза «речь, которую играли мы трое» включает в подлугу и Геккеря, кроме Геккеря и Дантеса, еще и Е. Н. Готгарову, сестру Н. Н. Пушкина, вышедшую 10 января 1836 замуж за Дантеса. Другой обрывок говорит, повидимому, к письму Дантеса Пушкину, в котором Дантес наудается на отношение к нему поэта, называющего его дурью от отдала из России. В связи с упоминанием «императора» и «правительств» это проливает новый свет на период с ноября по январь, о котором ничего определенного не известно. Очевидно, Геккер и Дантес приехали и сразу же заговорили, чтобы выпутаться из невыгодного положения, в которое поставил их Пушкин, и последний все время находился в состоянии более или менее открытой борьбы с ними.

Памятник в Новой Деревне (пригород Ленинграда), на месте дуэли Пушкина с Дантесом.

Что же дала в результате моя работа по расшифровке и восстановлению ключей всех этих писем?

Во-первых, мы получили, наконец, подлинное письмо Пушкина к Геккерю в его первоначальной редакции — то самое, которое Пушкин прочел Соллогубу 21 ноября 1836 года. Оно вышло силой откровенностью (сравнительно с озадачивающей январской редакцией). В частности, оно заключает обвинение Геккеря и Дантеса в составлении пасквиля, являвшегося важной всей драмы гибели Пушкина. Теперь оно проливает новый свет на это темное дело. Мы понимаем, наконец, назначение посланного в январе письма к Геккерю, которое оставалось до сих пор загадкой. Ведь роман Н. Н. Пушкина с Дантесом не был главным моментом драмы, не была прямой причиной гибели поэта: драма создана была гнусой интригой, распространением слухов о связи жизни поэта с царем. Не казало-то всплытия ревности Пушкина к Дантесу — через два недела после свадьбы посланное с сестрой женой поэта — побуждал Пушкина написать письмо к премьеру отцу Дантеса. Нет, это была месть Пушкина Геккерю как инициатору интриги и составителю пасквиля, месть, которую он задушил тогда же, в январе, но выжидал бы отложить и поновее сделать менее громкой.

Изучение текста этого замечательного послания по обнаружению мной ключом обонх экземпляров Семеского и черновиков Майкова и Грота ясно показывает, что Пушкин несколько раз писал и переписывал это письмо, в зависимости от положения вещей. Мы можем теперь проследить за ходом борьбы, которую вел Пушкин против Геккеря и Дантеса с ноября по январь.

Наконец, мы получили представление о том, почему Пушкин заподозрил Геккеря в составлении пасквиля. Что-то действительно произошло на каком-то собрании (придомном) 2 ноября или накануне, что вызвало какое-то недоверие Пушкина. И если 4-го он получил пасквиля, то ему нетрудно было догадаться, кто мог узнать так скоро о том, что происходило у него в доме: что он подозревал интригу, что жена его знает, боится и растеряна. Только Дантес мог узнать все это от самой жены поэта. Значит, Дантес или, вернее, Геккер — автор пасквиля. По видимому, так рассуждал Пушкин. Прав ли он был в своем убеждении, мы еще не можем решить. Много даст, конечно, прочтение зашифрованной Пушкинскими фразами. Во всяком случае мы рассмотрим теперь важнейшие документы сближения, довести которых до конца является делом советского пушкиноведения перед историей.

Этот рот висел у него теперь на стене. Он вспоминал, как летом, при Керн, трубил он в тот рот, и на минуту почувствовал прелесть охоты.

«Наташа! Там у огорода
Мя затравил русака...»

Тая начала он «думать стихами», и пономнюй привычка эта стихия все больше его размагничивала, и самая цель путешествия пономнюй задерживалась зыбким туманом. Едет куда-то — и все... Когда показались вдали отвики погоста Врева, на секунду поймал себя Пушкин на мысли: «Ну вот, как будто бы и досла...»

Заяц опять, длинный, с косыми ногами, метнулся у самых лошадиных копит... Пушкин больше не стал разговаривать и коротко приказал Архиму повернуть лошадей.

И ничуть ему не было стыдно. Разве не волен он этак ренать или так? Даже изпротия: теплое сповоистане, почти физически ошутимое, охватало его. То же, завязало, раздала и Архим, и лошади, хлопая добро ушами и фыркая, прибавляя рыси. Значит, домой... Пусть теперь целая заявляя стая перебегает дорогу: не страшно ничуть! Да когда же им и скакать, как не в эту вечернюю пору!..

Пушкина няня встретила радостно и обняла, крепко прижав к груди: — Уж как рада-то я! А то места себе не находила!

«Ну, так...» думал Пушкин на утро. — Буду ждать, авось, и дожидусь чего-нибудь доброго. И стихи писать хочется!

После «Бориса» он уже сильно теперь затосковал по волевым летучим стихам. «Огнеги» почти был заброшен, и сразу к нему приступило не так-то легко среди напряженного ожидания последние дней. Но эта охота, и этот прозекий — пусть будет граф! — да и весь анекдот так и стоит перед глазами!

Но «весь анекдот», однако ж, ему обернулся еще и по-новому. Неволяно он вспоминал «Аукершню» и, потянувшись рукой, взял с полки Шекспира. Он перечел еще раз эту поэму, которую, впрочем, не особенно и ценил. Да, провешества были подобны и стаи бы вовсе похожи, когда б героиня Шекспира, как и Наталья Павлова (Пушкин уже взрослела свою барыню), так же общалась с Таркинином. Быть может, это охлаждало б его предприимчивость и он отступил бы... Тогда вся история мира была бы не та. Мысль пародировать историю и Шекспира

представлялась ему с соблазнительной ясностью, и еще дня через два в два утра он написал эту повесть. Два эти дня был он особенно весел и часто выжигал в дичью, чего за последние время почти не бывало.

Когда он читал отрывки из «Наташа» поэме в Тригорском, все было в диком восторге. Елпаксин можно б не слушать, но разве с девчонкою справишься?

— Ведь я уже сама эта рассказ! А ежели Рокотова мне дозволилось слушать, так как же не слушать мне Пушкина?

Ревня был таков, что пришлось уступить.

В самый разгар оживления Основной долижины, что посар Арсений вернулся.

— Позовите его сюда, — попросила Прасковью Александровну Пушкин. — Может быть, он что и расскажет.

— Что-то не слышала я, как ты поджала, — сказала хозяйка.

— А и отпустила лошадей, зайки, сударыня, вас не беспокоить.

— Как отпустила лошадей? Где же они?

— В Петербург-с. Гостят. А я на потовых.

— Что же там, бунт? — стремительно спросила Пушкин, стоя у печки с залосненными за спину руками.

— Истинно бунт, — ответил Арсений. — Стреляют на площади. Войска на войска.

— А ты когда выехала?

— А так что четырнадцатого.

«Как раз накануне я б и приехала!» Кровь отягла от голозы и кипнула к сердцу. Пушкин так победил, что лицо его едва отдалось теперь от жгатоватого мафла печи.

— А государь? — спросила Прасковья Александровна.

— И государь при войсках. Да только не знаю, который...

— Как так, который? Один государь — Константин!

— Да кто говорит: Константин, а кто — Николай!

Все были пораженны: значит, междоусобица?

— Я так сама, — позвала толосу Арсений. — Да уж не знаю, как и сказать... Будто в голову полонно боврились змеи — министры из генералам — требуют царя в сенат. А когда он приехал, и Константин себе подсакала и преогромным мечом стучит у ворот. Как тут не пропустит!..

(Окончание на странице 26)

Рисунок для «Смены» художника П. Я. Павловича.

— Что же там, бунт? — стремительно спросила Пушкин.

ПРИЮТ *трудо* и ВДОХНОВЕНИЯ

Очерк Ю. Широкого

...Я буду мыслю всегдашней бродить Григорского крутом...
(Григорское, «Скамья Онегина»).

...Здесь вижу двух озер лазурные равнины, где парус рыбьяя беллет иногда...
(Озеро Маленце и Киче. Справа — Михайловский парк).

Дорога в последний раз ныряет в глубокую ложбину, и за крутым пологом возникает колокольня села Вороничи. Церковь окружена оградой. Ее покосившиеся черные стены, ее обросший мохом настил невольно заставляют вспомнить «Метель» и всю печальную эпопею жаднирского вничья. Вот на эти ступени восходила неудачная невеста, вот здесь, у открытой двери, ворвал-

шись в круг света, клубилось дыхание коня... Кто знает, где рождается неморозущие образы пушкинского пера? Телеса пригнет по камням и выбоинам дороги. Дохлая зыбтом отбывается от дятлов шмелей. Дорога то падает вниз, то круто поднимается вверх и терается среди желтеющих полей. Крутом сосны, песок, вереск. За истекшее столетие дороги не раз меняли

...Люби веленый скат зыно, (Дорога)

свое направление, и теперь большинство их уже не те, по которым ступал копыта вельного поэта.

За перелеском раскидывается болотный сад — Пушкинские горы. Ступени монастырской лестницы ведут к древнему собору. Справа на обнесеной мраморной балюстрадой площадке, погребен прах Пушкина. Горестный в своей простоте белый памятник. У него свежие цветы.

6 июня 1936 года, в день рождения поэта, здесь собралось 20 тысяч человек. Пешком и на телегах тапились бесконечные веренища людей. Колозники, комсомольцы, интеллигенты шли к могиле любимого поэта. В Пушкинские горы был праздник. Поезд давал колонии Озавалыма. На асфальте выступали народные певцы и приезжие артисты. Звучали пушкинские ритмы, пушкинские строфы. А вечером небо вспыхнуло фейерверком.

«Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслю всегдашней
Бродить Григорского крутом.

В дугу, у реки, над комом.
В салу под сенью лип домашней».

Там, где Сороть делает изгиб, над рекой, пролетает дорожка, ведущая к Григорскому. Когда-то здесь было имение, принадлежавшее П. А. Осипову. От барского дома осталась заросший земелью фундамент. Здесь для Пугачева гостеприимно были открыты не только двери, но и окна. Часто Пушкин в сопровождении громадных дворных пов неждом подсады на Михайловского и прямо через окно прыгал в дом.

Мимо пруда дорожка ведет к обрыву над рекой, где громадные липы кленов и алы рожают тень на «скамью Онегина». Отсюда открывается широкий вид на ильоторные в своей печальной прелесть окрестности пушкинских мест. От «скамьи Онегина» идет тенистая липовая аллея. Кора деревьев зарята глубокими морщинами, бархатный шел покрывает могучие стволы. Деревьям не менее 200 лет.

В глубине парка пригитилась любимая повтом берега, вернее, ее остаток, превратившийся в пром. Люди, знающие эти заполозные места, предпологают в этом уголке посадить молодую березу и придать ей форму ее знаменитой предшественницы.

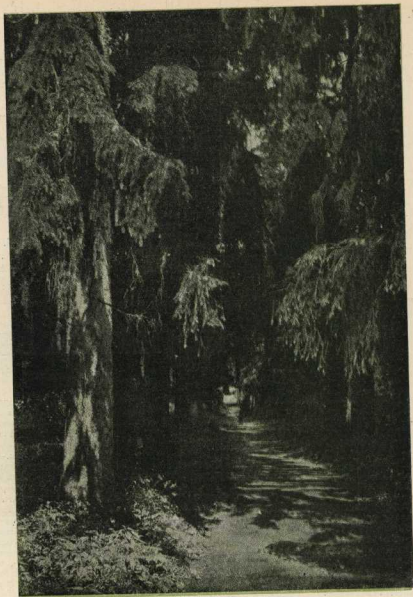
Опять вьется дорога. Опять крутом закатывается поле. Яркое солнце неслышно клонится к западу. Вот три холма. Ми в быстрой правит Михайловского. Когда-то здесь стояли три сосны...

«...одна подала — две другие
Друт к дружке близко — здесь когда ни

Я проезжал верхом при свете луном,

...духа, налитые моей бродячей асфальтом...
(Аллея Михайловского).

...Прохладу лип и кленов шумной кров — они знакомы вдыхающему...
(Аллея Михайловского парка).

Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал...

Дорога сворачивает на аллею, ведущую к усадьбе. Здесь к западу сосновой смоли примешивается запах сырой земли. Ведутся работы по восстановлению заросших прудов Михайловского парка.

У самой усадьбы начинается аллея гигантских древних елей. Когда стоишь в конце этой аллеи, кажется, что вот-вот сейчас вдалеке качнется легкая фигура поэта и стукнет о камень его железная трость.

За воротами усадьбы двор, в глубине которого расположен фундамент сгоревшего дома. К реке спускается обветшалая деревянная лестница. По этому скату сбегал Пушкин в прохладные струи Соротки.

Домики влились в эту зону в железни. Как борта старой баржи, сползли с его стены. Это — единственное удешевление от пушкинской эпохи строения.

На другом берегу реки раскинулись поля, а дальше, на возвышенности, лежат деревни Замори. Когда-то она состояла из 22 дворов. Сейчас это лучший в районе колхоз «Первая Заречья». В колхозе пионерский лагерь, 600 ребят посланы ленинградским Дворцом пионеров изучать места, в которых росло и достигало своих вершин творчество Пушкина.

1 См. в этом номере статью Э. Герцева «Как мы спасли домик Клева».

Пушкинские горы. Мозила А. С. Пушкина.

ВСТРЕЧА

Была вечер тих. И памяти тучи
И уходили в сине покой.
Завыл вал Сороткою певучей,
И шорох спутанных ветвей.
Я шел один по той аллее,
Где липы ждали тишины.
В лицо мне легкий ветер веял
И звали шелесты ко сну.
Вдруг чей-то голос на опушке
И смех, звенящий в тишине.
То Лина Керн, и с нею Пушкин,
Болатая, шла навстречу мне.
Я астал за липы не замечен,
И сквозя причудливую вязь
Я видел этот тихий вечер
И как они прошли, смешок,
Дремала ночь среди растений.
Дремали липы вдали,
Они исчезли словно тени
Так незаметно, как прощанье.
Саша Новиков.

Ленинград, 9-я школа
Смоленского района.

Любви, надежды, тихой славы
Не долго нежна нас обман,
Исцелая юные забавы
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье:
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчужден внемлем призыванья.
Мы иддем с томящим упованьем
Мануты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Мануты верного свиданья.
Пока свободное горенье
Пока сердца для чести живны,
Мой друг, отчужден посвятим
Души прекрасные порывам.
Теплишь, веро: войдет она,
Звезда бланкетного счастья,
Россия испрывает от сна,
И на обломках самовластия
Наминут наши времена!

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастье верная сестра,
Надежда и мрачное ползенье
Разбудит бодрость в неселе.
Придет желанная пора

Любовь и дружество до нас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

ПОПЫТКА БЕГСТВА

(Окончание)

— Невозможно! — воскликнула Осипова. — Это уже начинаются сказки. Но Арсений во все это верил больше чем во что-либо другое: — И в полночь перед крестом и свангелем, на основании закона, привалил друг другу и друг на друга пошам...

Пушкин спросил, первая: — А на площади только войска? Жаркий румянец сменил на лице его бледность, — И господа офицеры, И, извините..., черный народ.

В зале возникло молчанье. — Я вам еще в прошлом году предсказывала бунт, — сказала Пушкин, отойдя, наконец, от печки, словно бы неопределянная опасностью уже миновала и можно было покинуть убежище.

Он произнес это, когда Арсения уже не было в комнате. Но вообще был он неравнодушным и скоро стал собираться домой.

Он ездил поспешно, мысли кружились в его голове, как осенние листья. Да, это так: он попал муче... А он писал в это время бессудно повесть. Писал и смеялся, как Лидин:

«Смеялся Лидин, их сосед,
Помешник двадцати трех лет».
Не странно ль? Пощечина,
заву... казнь-то мечоты на по-
воротках судьбы...

Мысли эта, впрочем, только мелькнула. Он думал теперь о Петербурге и все вспоминал, как повар Арсений на самый последний о бунте вопрос отвечал:

— Видать, что подавлен.
Приезжая домой, тотчас же он распорядился, чтобы затопили в зале камин.

— Да печь уж топлены нынче... — поправился было ему обещать.

Но Пушкин разгневался, чего с ним почти не бывало, и строго потребовал, чтобы его приваживание немедленно было исполнено. Потом он привел в порядок бумаги и отобрал особые записки, которые вел уже давно. Вынула почтенно толстая стопка бумаг. Но, отобрав, он над нею задумался.

Еще той осенью он спрашивал Вяземского: «Зачем жалел ты о потере записок Байрона? Чорт с ними! Сама бунт, что потонули. Он исповядался в своих стихах, невольный увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы алка и гитрил, то старался блеснуть искренностью, то маляя своих врагов». И теперь,

над грудою собственными своих листов, он размышляла, как и все в том же письме: «Писать свои мемуары — заманчиво и приятно. Никого так не любил, никого так не любил, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможно физически. Пере иногда останавливается, как с разбега перед пропастью, на том, что посторонний прочла бы равнодушно. Презирать суд людей нетрудно; презирать суд собственных невозможно».

Пушкин знал, что записки Байрона были сожжены друзьями после его смерти, и думал теперь: «Лучше же самому уничтожить!» К тому, впрочем, были причины весьма основательные. Записки эти могли заманчиво измена многих людей и таким образом умножить число жертв: Пушкин ждал грядущей расправы и не был спокоен за себя. Он отобрал лишь немногие листов и сохранил их за Вяземского. А остальные — предать все огню!

Подумав еще, и этой же ночью присоседил он стопочку писем: «Пушкин, и ты тоже горю! Ты тоже когда-то съел и записки свои».

Дом уже спал, когда через коридор вошел он на половину родителей. Камин еще ярко горел, и дымные бесполовые тени бродили в углах. Нина тотчас же и празднично, вещи все были сдвинуты, лампа снята (будет чистить ее завтрашним), висела наверху одна только крош, и комната вся была, как незнакомая.

Пушкин не медлил и сразу кинулся бумаж в огонь. Листы и листы, смесивший дым окутал всю стопку: огню не под силу сразу ее охватить. Пушкину стало мучительно грустно. Записки были еще черновые, но он собирался сортировать, опираясь на них, нарисовать большую картину эпохи.

Жизнь ускорила спорную, он захватил цинциам сразу всю кучу бумаг и хотел ее расстрелять. Невнимательным движением руки, однако, он из полуглаза из себя, широким ослабел, и вся эта груда, уже разноросленная, выпала на пол перед камином. Прямо вскинувшись, Пушкин хотел его потушить, но вдруг ему показало, что кто-то скрипнула дверью. Он обернулся. Колечко, пошевелилось. И в то же мгновение увидел свою огромную тень. Сизую огонь кидал ее на потолок, и голова его колебалась на самом краю.

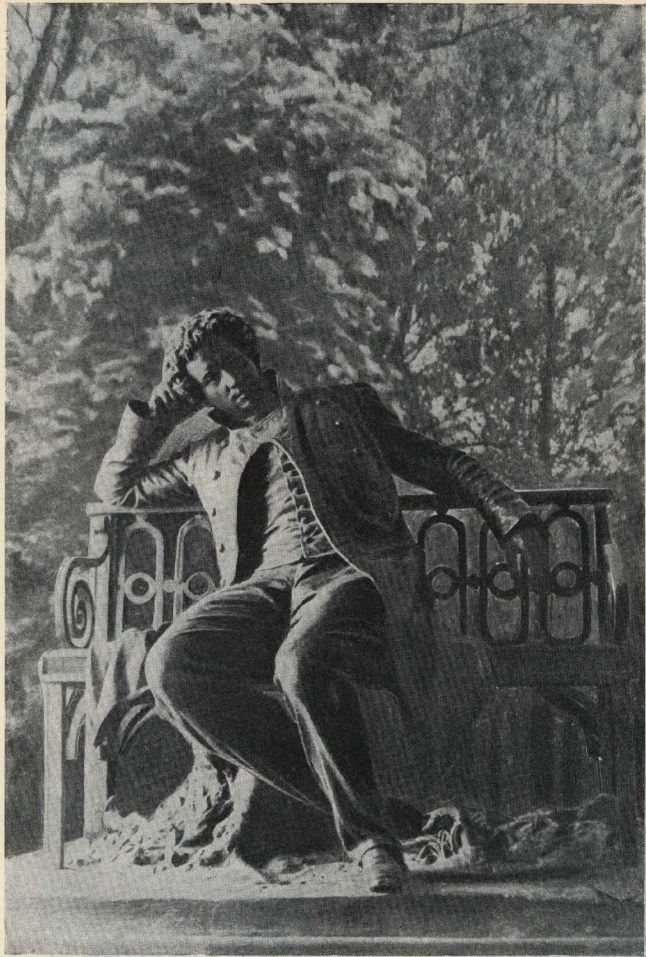
Негромко он крикнул, схватился за грудь, но тотчас и опомнился. Через полчаса камин протопился, оставив лишь меле угли да горсточку пепла...

Он обернулся. И в то же мгновение увидел свою огромную тень. Сизую огонь кидал ее на потолок, и голова его колебалась на краю

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Новый автограф «Евгения Онегина»

Памятник А. С. Пушкину в Детском селе.

Скульптура Р. Баха (1900 г.).

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПУШКИНА

Литературная деятельность Пушкина продолжалась немногим более двух десятилетий, с 1814 года появления первого его стихотворения (в печати) до начала 1837 года. Однако за этот короткий срок Пушкин один выполнял работу, которая была бы делом целой литературы на протяжении длительного периода ее развития.

До Пушкина то, что называлось тогда «русской изящной словесностью», носило еще совершенно подражательный характер.

В сокращенные европейской литературой уже сверлами бесформенные массы великих национальных гениев: Данте, Сервантеса, Шекспира, Мольера, Гете, Дававшие же немногочисленным авторам мысли которой считались, если современники признавали их в насущную нужду иноземному образу, имела «русскими Гомером», «русскими Расином». Были, правда, и у нас отдельные крупные писатели — Державин, Карамзин, позже Батюшков, Жуковский, — но литература как выражения народной жизни, литературы как средства и орудия глубокого познания действительности у нас, по справедливому словам Белинского, еще не было.

Наша художественная литература, в полном смысле этого слова, создава Пушкиным.

В XVIII и начале XIX века у нас писали по преимуществу стихам — «визмом богом». К поэзии у подавляющего большинства писателей было резко отрицательное отношение как к слезному «визмению», грубо реальному, «визмному роду».

Со стихов начала свою литературную деятельность и Пушкин. К этому времени русская поэзия, так называвшийся тогдашний стиль, основанный на чередовании ударений и замечательный, прежде, «калбачиные визмы» (именные чужеземное, искусственное происхождение), насчитывала уже около 70—75 лет (всплеск был Ломоносовым и Тредиаковским).

В творчестве Державина и в особенности Батюшкова и Жуковского этот стиль уже получил относительно высокое развитие. Однако при всей яркости, живописности и силе поэзии Державина его стихотворный язык был еще так плохо организован, так неразработан, что Пушкин совершенно правильно сравнивал его стихи с «дурным переводом с какого-то чудесного подлинника».

Батюшков и Жуковский много сделали для обработки заимствованного языка. Но вместе с тем из языка все же не вывели, не вывели европейской дворцовой гостини. Даже Батюшков, непосредственный предшественник Пушкина, продолжал еще испытывать специфическое «салонное» неприятие к «парковскому», «салонному» русскому народному языку: «Я язык по себе плоховат, грубенький, падает татаринский. Что за то, что за то, что за ш-ш-ш, щ-щ, пр-р, тр-р? О, выражай!»

Однако, если по форме и отчасти по языку являлся к поэзии Жуковский, то он бесконечно уступал ей по своей содержательности. Жуковский в лучших своих созданиях был только переводчиком немецких и английских поэтов. Что касается стихов Батюшкова, то содержание их всецело исчерпывалось уже личными мотивами. Это были мотивы наслаждения радостями жизни, понимаемыми в очень ограниченном смысле (явно, чувственность, эротика и мотивы сожаления о недостатках или непереносимости этих радостей). Кой-какую уютность и ограниченность своего поэтического мира создавая и сам Батюшков, с горечью отзывался о всем своем

творчестве как о «безделке», «любимых стихах», «лепестках крохотной муз».

Пушкин начинал как ученик старых поэтов. Но с самого начала его уроки были совершенно своеобразны от своих учителей.

В 1815 году на школьном лубковом взаимном Пушкин прочел в присутствии престарелого Державина свои «Воспоминания в Царском селе», написанные до известной степени под его влиянием. Старик-поэт, прослушав стихи, в восторге воскликнул, что в мальчике Пушкине растет «второй Державин». На самом деле Пушкин уже к этому времени перерос Державина. Почти одновременно с «Воспоминаниями в Царском селе» он написал сатирическое стихотворение «Генри Финляндия», где отнесся к Державину с беспощадной критикой.

«Генри Финляндия» написана в подражание Батюшкову, который вообще оказал на Пушкина — поэта — особенно большое влияние. Но уже в первом своем крупном произведении, поэм «Руслан и Людмила» (начата в лицее, окончена в 1820 г.), Пушкин далеко выходит за пределы поэмы Батюшкова.

В «Руслане и Людмиле» впервые с полными блеском появилась тот «элементарный, художественный, артистический» пушкинский стих, которым так справедливо восторгался Белинский. В «Руслане и Людмиле» сказало до известной степени влияние Жуковского, но в поэм было и что не было и не могло быть у переводчика чужеземных поэтов — Жуковского. Поэма Пушкина угодила корнями в русскую народную почву, в мир нашего сказочного эпоса. «Здесь русские духи, здесь Русью пахнет», — писал об этом сам поэт.

«Русский дух» поэмы прежде всего сказался в ее языке. Именно начиная с «Руслана и Людмилы» Пушкин делает основной своего творчества живой народный (в широком смысле этого слова) говор: «Я не люблю выдать в переобморок наш язык», — пишет он, словно прямо отвечая на приведенные нами выше слова Батюшкова, — «сладок европейского лежания и французского утомления. Грубо и просто, более смущает, нежели простота и простота, более смущает, нежели простота». Около этого же времени Пушкин начинает настойчиво признавать все учился правды и чистоте языка на городских площадях и в быту, указывая, что «кратчайший язык простого народа достоин глубочайшего исследования».

Наряду с живым говором Пушкин широко пользуется книжной речью — культурным языком наследия прошлого. Он открывает все черты, ведущие и в то же время обогащая язык многочисленными заимствованиями, необходимыми слов и понятиям из других языков. Гармонически развивая все эти элементы, Пушкин и сделался творцом русского литературного языка.

Народность поэмы «Руслан и Людмила» вызвала много негодования в современной поэту реакционной критике. Поэму Пушкина сравнивали с мумием, «являя и лаяла появившаяся на балу в Мекленбургском благородном собрании, вступившая в круг дворянской «изящной словесности». В сравнении этом была доля истины. С «Русланом и Людмиле» Пушкина началась русская всеобщая художественная литература.

Поэма «Руслан и Людмила» была еще до некоторой степени связана с русской литературной традицией (сказочной поэмой поэта XVIII века Хераскова «Бахариана» и др.). Но уже следующая поэма Пушкина, «Кавказский пленник», на-

писанная им вслед за «Русланом и Людмиле» (окончена в самом начале 1821 года), не имеет себе ничего равного во всей предшествующей и современной Пушкину русской поэзии. Впервые у нас Пушкин ставит своей задачей сделать поэзию средством отражения и орудием познания объективной действительности — дать типическое изображение русского молодого человека начала XIX столетия. Задание это чисто реалистического порядка, но по началу Пушкин еще блуждает по «визмному» поэтическому помылу — новый европейский литературный жанр, созданный в 10-е годы XIX века знаменитым английским поэтом Байроном.

С появлением в печати «Кавказского пленника» (вышла в свет в 1822 году) на ученика старших русских поэтов двадцатилетний Пушкин сам делается учителем. Поэма вызвала бесчисленное количество подражаний. Пушкин становится признанным главой русского романтизма, провозглашает «визмный Байронизм». Пушкин действительно учится некоторое время у Байрона, однако вскоре он начинает относиться к Байрону с такой же критичностью, с какой отнесся в свое время и к своим русским учителям. Это отношение складывается уже в последние из его «романтических поэм» — «Цыган», написанной в 1824 году, через три с небольшим года по окончании «Кавказского пленника», и с полной силой проявляется в центральном произведении Пушкина — романе в стихах «Евгений Онегин» (1823—1831 г.).

В «Евгении Онегине» Пушкин становится великим «поэтом действительности», основоположником русского художественного реализма. Все последующие произведения этого периода — романтический «Генри нашего времени», через романы Тургенева, Гончарова до романов Льва Толстого — «Онегин» имеют своего непосредственного предшественника и замещающего, в многом непревзойденный образец. Именно начиная с «Евгения Онегина» русская литература научилась быть художественным «реальным» великим историческим эпосом.

В «Евгении Онегине» Пушкин дает замечательную зарисовку настоящего. В написанном через год после «Цыган» и в годы работы над первыми главами «Онегина» «Бориса Годунова» (1825 г.) Пушкин воссоздает — с огромной художественной силой, с замечательными подробностями — картину исторических событий — картину русского прошлого. Остается в пределах стилистической формы. Пушкин вместе с тем проникает в новую область словесного творчества — в драматургию.

Русская драматургия до Пушкина находилась в зачаточном состоянии. Она была всецело в путях ложно-классической, «придворной», французской драматической системы. Правда, в области комедии у нас уже существовала «Овдовелов» — но зато в области драмы и трагедии у нас не было произведений, имеющих сколько-нибудь высокое художественное значение.

Создавая «Бориса Годунова», Пушкин поставил своей целью «преобразовать русский театр». Вдохновленный счастливой французской трагедии он решил дать высокохудожественный образец народной драмы неслепящегося сном и глубины, расцветшей, как и в «Онегине», картинами исторической эпохи. Замысел этот был осуществлен. Вместе с Грибоедовым, написавшим в тот же период «Горе от ума», Пушкин положил начало новой русской драматургии.

Еще большую роль сыграл Пушкин в развитии русской драматургии прозы. Через два года после создания «Бориса Годунова», в 1827

году, Пушкин начинает работать над историческим романом «Арап Петра Великого». О написавших Пушкиным шесть глав этого романа (7-я была только начата) Белинский сказал, что они «измеренно выше и лучше всякого исторического русского романа, порою язвительного, и все их вместе назвать». Однако самого Пушкина роман, по-видимому, не удовлетворил и был оставлен им незаконченным.

Начиная с этого времени Пушкин с необыкновенной остротой и настойчивостью, пробуя то тут, то другой сюжет — через арапов черкесов, набросков, незаконченных приступов — продолжает, наконец, в 1830 году к созданию «Повестей Белкина». В «Повестях» Пушкин достиг того, чего добивался: создав лишенный всяких псевдо-«поэтических» украшений, слатый, точный и меткий язык русской художественной прозы — «язык мысли». В разговоре с одним из знакомых, который, увидев на столе у Пушкина только что вышедшее (без имени автора) «Повести Белкина», спросил: «Кто бы он был, Беликин?» — Пушкин ответил: «Кто бы он ни был, а писать повести надо вот так: просто, коротко и ясно».

Из «Повестей Белкина» особенное значение для дальнейшего развития нашей литературы имел «Станционный смотритель». Герой повести — один из «маленьких людей», забытых и угнетенных русской крепостнической действительностью. Образ смотрителя является правым предшественником героя «Шинели» Гоголя и всех тех «бедных людей, угнетенных и оскорбленных», которые заполняют страницы повестей и романа Достоевского.

В год создания «Повестей» Пушкин набрасывает непосредственно к ним примыкающую незаконченную «Историю села Горюхина» — обобщенную картину убогой, томной и забытой крепостной Руси. Стоит только вспомнить привходящую Пушкиным знаменитую запись помещичьего владельца: «4 мая. Снег. Тришка за грубость бит, 6—хорова бурка пала. Сельва за пьянство бит, 8—погода ясная, 9—дождь и снег. Тришка бит по погоде». Подобные места придают нарочито мизанной, безостановкой и вместе с тем исполненной самым тонким юмором форме «Истории» характер несомненной политической сатиры. И не даром манера «смирного» горюхинского летописца подымала и блестяще развернула в своей «Истории» одного города — самый сильный русский политический сатирик Салтыков-Щедрин.

Предельной высоты проза Пушкина достигает

в его последней вещи — «Капитанской дочке», которую Белинский называл «Онегинным» в прозе, то есть произведением, насыщенным исключительным богатством содержания, представляющим художественную энциклопедию русской жизни XVIII века. По поводу этой повести другой критик справедливо указывал, что,

Иллюстрация к сказке «О рыбаке и рыбке» школьница Б. Александрова из Орлево-Зыба.

не будь у нас «Капитанской дочки», мы не имели бы «Войны и мира» Льва Толстого.

Однако, работая в 30-е годы в области прозы, Пушкин не оставлял и стихов и драматургии.

Одновременно с «Повестями Белкина» им пишутся так называемые «маленькие трагедии». По слову Александра «страсти» — скупости, зависти, — по глубине проникновения в самые потаенные изгибы человеческой психики «малень-

кие трагедии» стоят в ряду совершеннейших созданий мировой литературы.

Одновременно с «Пимовой дамой» создается романовая повесть в стихах «Медный всадник» — вещь, насыщенная огромным философским и историческим содержанием, венце пушкинского стихотворного мастерства.

Наконец, одновременно с «Капитанской дочкой» задумывается и частично осуществляется единственный образец пушкинской драматургии в прозе — «Сцен из рязанских времен» — произведение, которое до сих пор не доказало еще надлежащей оценки, но у которого Чернышевский в свое время отказался, как художественному отношению оно «должно быть поставлено не ниже «Бориса Годунова», а может быть, и выше».

На всем протяжении своей творческой деятельности Пушкин продолжает писать и небольшие стихотворения: о дружбе, о любви, о смерти, о мистике, о красоте природы, о радости бытия, о родине. Эти стихотворения — немужским не только русской, но и мировой лирики¹.

Таков огромный вклад, внесенный Пушкиным в русскую литературу.

Подвигующие большинство наших, да и не только наших, писателей-классиков работали в пределах более или менее узкой «специальности», разрабатывая по преимуществу ту или иную область словесного творчества.

Пушкин, как мы видим, шел сразу всеми путями: да двадцать семь лет своей литературной работы он сумел стать и великим поэтом, и великим прозаиком, и великим драматургом. В его творчестве мы имеем образцы почти всех литературных стилей. С одинаковым совершенством он владел почти всеми возможными жанрами словесного мастерства.

Каждая новая крупная вещь Пушкина — по большей части не только еще один новый шедевр, но и новая глава в истории развития всей нашей литературы.

В неизмеримой художественной мощи Пушкина, в многогранности его творческого облика, в небывалой стремительности развития выразились одаренность и сила породившего его великого народа.

¹ См. в этой книге специальную статью Б. Михайла о лирике Пушкина.

А. С. ПУШКИН

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнула веселая глас!
Раздайтесь, вакхалики приемы!
Да здравствуют нежные думы
И юные жемч, любившие нас!
Поансе стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Занетные колыба бросайте!

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют муз, да здравствуют разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада блеснет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость меркнет и тает
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Как мы спасли домик НЯНИ

Коловзинки села Пушкинские горы рассказывали волнующую легенду о красном командире-калмыке.

Будто бы в тревожный 1918 год, когда пылали в округе дворянские усадьбы и Михайловское тоже не избежало пожара, в село вошел красный отряд.

Планила добираться уже до домика няни, и вот командир-калмык разогнал поджигателей и потушил пожар. Некоторые рассказчики добавляли, что тогда командир прочел перед крестьянами знаменитые пушкинские строки:

*„Слых обо мне пройден по сей Речке великой,
И слышат даже восте срубы в ней яны,
И торды мне слышат, и фини, и выны дикой
Тупою, и дарт степей—кылым“.*

Эта легенда считалась образцом народного сказового творчества. Но ввру! 18 февраля 1932 года ленинградский пушкинист Якубович получил такое письмо.

«Заведующему Пушкинским домом от бывшего начальника штаба отдельной башкирской бригады Гарева, Зияда Хидиевичи», — так начинался этот замечательный документ. Он был составлен в форме военного рапорта. Но за сухими лаконичными фразами стояло во всем рост замечательное событие. В этом документе красный командир рассказывал, как он спас домик няни. Легенда оказалась правдой!

В архивах Пушкинского дома нам с трудом удалось разыскать письмо Гарева, почему-то не обратившие на себя внимания и забытое на целых четыре года. Мои попытки были опубликовать его, однако удалось разыскать и самого автора письма. Тов. Гарева мы встретили в Москве и попросили его рассказать о том, как была спасена нянин домик.

Рассказ полковника
тов. З. Х. Гарева

Отремелил бой с Юденичем. Нашу башкирскую бригаду поставили на заслон финляндскому врагу. Весной 1920 года бригаду переформировали на латвийскую границу и штаб стал в Святогорском монастыре, а бакин Михайловское.

Повали мы осматривать новые владения. Монахи, отозвавшие, в засаженных черным расам, семенили за мной. Перед церковной оградой на горе я заметил могильный памятник. Спрашиваю:

— Кто похоронен?

— Монахи отвечают:

— Пушкин.

С чем можно сравнить чувство, охватившее меня? Так остробеснелся вздури, встретив в самом исследованном месте старого, давно забытого друга. Передо мной пронеслось мое детство: степной аул Верхний Ахташ, начальная школа, учительская семинария, где я с увлечением изучал произведения Пушкина.

Потом пошли войны, бои, мне было не до Пушкина, и я забыл о нем.

Я подошла к могиле. Надгробный памятник был весь испещрен и испещрен. Крест некто украдал.

— Думали, что злодей, — сказала мне монахи.

На следующий день я поехала в Михайловское. Песчаная дорога.

Маленькие стволы сосен. На дворе, заросшем травой, топтался какой-то случайный парод. Уголкам пыла похоронка фундамента разрушенного дома.

— Что здесь было? — спросила я.

— Дом Пушкина.

На всем лежала печать разрушения, явным были следы отпы и топора.

Подошли мы к какому-то полуразрушенному срубу. Это и был домик няни — все, что сохра-

нилось от Михайловского. Я вошел в домик. Коски сорваны, окна и двери тоже. Пошла голова — кричи нет: сказка строится выдвигается, чеба. Стены правдою испещрены курнестами, гимназистами. Присетил я и совершенно свежее следы разрушения.

Я собрал михайловских старожилов.

— Вокруг вас лес, — сказала я им. — Зачем же вы громите здания? Знаете ли вы, кто здесь жил?

Я объяснял всем крутой порукой не трогать домик няни.

С того момента судьба Михайловского не выходила у меня из головы.

В святых горах размыслил я древнюю старину, которая знала дедовские мосты. Познал мы старину в Михайловское, чтобы она рассказывала нам о любимых аллеях поэта, о том, где он бывал, как жил. Побывал я и в Григорском, которое так любил посещать Пушкин. На железной дороге напелся старичок-стрелочник, который когда-то служил у Осипошки. Он мне показал старинный луб, который описан Пушкиным в «Чусовине и Любимове».

Решивши мы восстановить домик няни. Но как поступить? Вело у нас не было никаких материалов. Поэтому я сначала ограничился тем, что часто садил проверить, не расстанут ли на переписку дома на топливо.

Как-то, в одну из таких поездок, я узнал, что в споренном доме Пушкина была библиотека, растасканная по частям, и что до сих пор у окрестных крестьян можно найти многие вещи из пушкинского дома. Тогда я решил использовать старожилов. С их помощью начался сбор вещей из михайловского дома.

Моя затея увенчалась успехом. Часть книг и вещей была собрана. Но самое замечательное было впереди.

Как-то в штаб явился человек ученого вида. Он называл себя пушкинистом Устиновичем и попросил нас огранить Михайловское от разрушения.

— Мы делаем, что можем, — говорю я, — потому даже реставрируем домик няни, да нет у нас для этого материалов.

И тогда Устинович положил передо мной на стол фотографии домика, его описания, зарисовки. Сейчас же я вызвал начальника саперной роты Турданинова и дал приказ:

— Саперной роте выступить в Михайловское и восстановить домик няни.

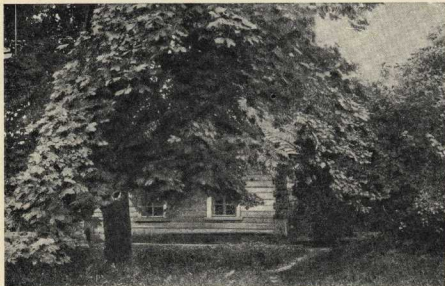
Саперы с помощью Устиновича за неделю домик няни восстановили. Какой это был праздник для всех нас!

Полкотода бригады добился специального постановления уездного исполкома об охране домика и заведении в Михайловское сторожа.

Прошло много лет. Я окончил Академию имени Фрунзе. На 10 лет уехал в Среднюю Азию. Вернувшись в Москву, я решил, что истории о том, как я спас домик няни, может быть, представлять какой-нибудь интерес. Вот почему было написано письмо в Пушкинский дом.

З. Х. Гарева.

Домик, где жила Арина Родионовна, няня Пушкина.

ПРОЗА

Вальтер любил употребить формулу «презренная проза» (*vilné prose*) — буквально «сплошная проза».

Господствовали в литературе стихи. Среди старых классических жанров проза занимала второе место. Как средство деловой речи она считалась недостойной художника.

Так повелось истари, и это отношение к прозе долго и до времен Пушкина. Однако уже в XVIII веке появились замечательные произведения в прозаических формах. Тот же Вальтер дал прекрасные образцы повествовательной прозы в своих романах, но особенно сильно было тяготение к прозе в молодой буржуазной французской литературе. Энциклопедисты¹ определенно ставили прозу на первое место. Они выдвигали на место пифоса и совесных украшений придворной литературы простоту и естественность прозы.

Долго шупта в ход выражение: «Это прекрасно, как проза». Дидро в своих комедиях провозглашал естественную разговорную речь, отказавшись от своего стихотворного языка.

В русской литературе традиция Ломоносова — Державина знаменовала господство стихотворной формы. И только в произведении Карамзина проза пробивалась к литературному разноразно.

В пушкинском «Графе Нулине» читаем: «В последний числск сентября (Презренной прозой говоря)...»

В «Юнине»: «Душею до смиренной прозы...»

«Дамы»: «Как мы унываем до прозы...»

Не следует принимать эти отзывы в буквальном смысле. В выражении «смирная проза», кунзалась до прозы скрыта ирония, и она направлена не против прозы, а против господствующих взглядов на нее.

Уже с самом начале 20-х годов художественная проза стала предметом особого внимания Пушкина. Вскоре по выходе из лицей он стал усильно изучать произведения переводных французских писателей: госножи де Сталя и Бюшана Константа.

В «Дельфин» и «Корине» Сталь раскрывал психологию современной женщины. В «Адолфе» Константа изображалась тип современного, «байронического» героя. «Адолф» привлек особое внимание Пушкина. Психологическая манера Константа раскрасила перед Пушкиным новые литературные горизонты и если не увлекла его в область прозы, то приближала к прозаической системе его стихи. Именно в период изучения «Адолфа» Пушкин начал писать «Евгения Онегина» — свой «роман в стихах».

Но после Пушкина ждало новое увлечение: это был пользовавшийся огромным успехом исторический роман Вальтера Скотта.

Из дальнейших впечатлений Пушкина от произведений художественной прозы следует отметить английский нравоописательный роман Бюхнера «Полтава» (1828 год), затем «исторический роман» французской литературы: «Последний день приговоренного к смерти» и

«Бастийская крепость». Иллюстрация к «Кампанской дочке» П. Сковорода.

«Сбор Парижской богематери» В. Гюго, «Мертвый осел» и «Исход» Ж. Мюссе и пр. Привлекают его психологически-социальный роман Бальзака (к которому, впрочем, он относился отрицательно) и Стендаля, вызвавший его восхищение.

Пушкин интересуется и немецкой литературой, в частности фантастическими повестями Гофмана.

Для Пушкина переход к прозе означал стремление закрепить свои позиции художника-реалиста и содействовать развитию прозаического языка. Но он понимал особые трудности, которые должны были встретиться на пути своих прозаических опытов.

Проза была для него: одна — приукрашенная, обогащенная искусственными сравнениями, метафорами, проза, отвлеченная от стилистического отступления при и размера; другой — проза простая, скупая, построенная по принципу деловой речи.

Пушкин решительно пошел по трудному пути создания «простой» прозы.

Своей задачей он ставил создание языка мысли, язык, как он говорил, «метафизического языка».

Лабораторией прозы для Пушкина были его письма. В этом отношении особенно важно письмо Пушкина к брату (24 IX 1820 года) о пребывании на Камовале и в Крыму. Это письмо имеет явный характер литературных записок. Виден представитель школы Карамзина язык автора «Писем русского путешественника». Уже следующее описание пребывания в Крыму, написанное в форме письма к Дельвигу, предназначалось Пушкиным к печати. От этих первых опытов развитие пушкинской прозы ведет прямо к «Путешествию в Арзрум».

Первым решающим опытом Пушкина в области прозы был роман «Арап Петра Великого».

Содержание его, по замыслу Пушкина, сводилось к «неверности жизни арапа, которая родила его белого ребенка и за то была послана в монастырь».

В основу романа легли семейные предания (повидимому, неточные). Пушкин писал о своем прадеде Гаврииле (Сергее): «Первая жена его, родом германка, родила ему белого дитя. Он с нею разошелся и принял постричься в Тихвинском монастыре». Но, повторяя в основу это предание, Пушкин изменил его, перенес время действия к первому году после воцарения Абрама Гавриловича в Россию (в действительности же он женился после

смерти Петра), гречанку заменил русскою боярыней и т. д.

Весь роман построен так, чтобы дать ряд оценок историческим затряскам. Мы видим французское придворное общество XVIII века эпохи Регентства, затем двор Петра, внутреннюю семейную жизнь русского боярина.

Выбор сюжета не случаен: тема Петра — царя-реформатора — выдвигалась Пушкиным и в эти годы с определенной целью — пронаглядировать осуществление реформ. После разгрома декабристов, когда не осталось больше никакой надежды на переход государственной власти в другие руки, Пушкин избрал образ Петра орудием пронаглядить реформ, которые он считал необходимыми для России.

Выбор темы Петра в прозе соответствовал такому же выбору темы для очерковой прозы. На языке «Арапа» Пушкин привнес за «Полтаву» и быстро довел ее до конца. Почему «Арап» остался незаконченным?

Повидимому, здесь причина творческого и художественного порядка. Как показывал черновик, изображение Валерия в VII главе «Арапа» было полнотой к своей же истории. Но Валерия — сын страдальца, и его история связана с историей страдальческого бунта. И Пушкин, набравшись опыта истории Валерия, отказался от основной линии романа. В его рукописи не находятся записки пловца, относящиеся ко времени страдальческого бунта, но не связанных явным образом с «Арапом». Повидимому, увлекшись темой о страдальческом бунте — тем, близким к историческим событиям. Но замысел, развязка романа — неверность жены, рождение белого ребенка. А начавшись роман увлечением Абрама, в результате которого жена графа Д. родит черного ребенка. Получается картина возмездия: Абрам наказан тем же, в чем сам провинился. Этот слишком наивный параллелизм, хотя и был модным в свое время, мог показаться Пушкину, по даровому размышлению, недостаточным, чтобы на нем построить весь ход развития романа.

Следующим опытом прозы были «Повести Белкина», написанные осенью 1830 года в селе Белкине. Эти повести писались с необыкновенной быстротой: «Робкошки» — описаны 9 сентября; «Станционный смотритель» — 14 сентября; «Барышня-крестьянка» — 20 сентября; «Выстрел» — 12 — 14 октября; «Метель» — 20 октября.

К повестям примыкает «История села Горюхина», помещенная 1 ноября.

1830 год был переломным в творчестве Пушкина. Именно тогда он озодал разрыв со своим романтическим прошлым.

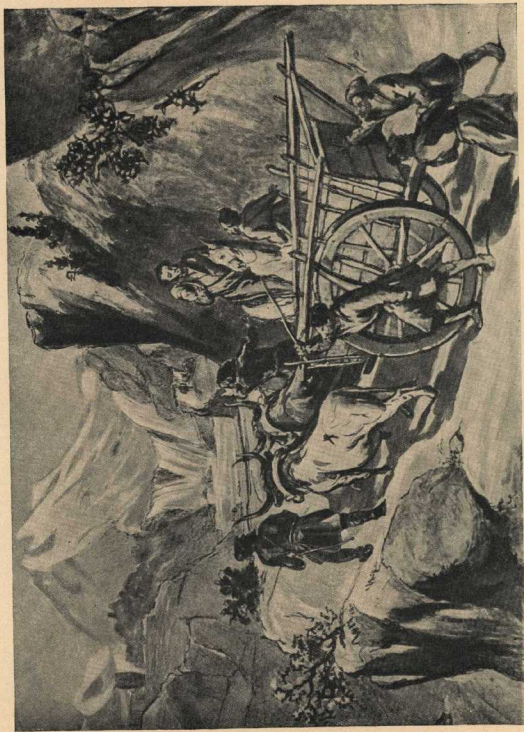
Французские новеллы отличались сложностью и занимательностью сюжета.

У нас в России образцом этого жанра были рассказы Вестуева-Маринского.

Пушкин пошел по другому пути. Он дал простые, непритязательные картины обывательской жизни. Эта обывательность является причиной неуспеха повестей у современной Пушкину критики.

Написав числа рассказов, Пушкин решил объединить эти фигурные рассказы. Обойдя «шансон» тип повестей определяла невысокий культурный уровень Белкина. Но Пушкин не стремился к стилизации и не пытался воссоздать подлинную манеру повествования Бельза-

¹ Энциклопедисты — группа французских мыслителей, философов и ученых XVIII века, возглавляемая во Франции «Энциклопедическим словарем». Распространяла посредством словаря и своих произведений материалистические и антирелигиозные идеи, они подготовили идеологическую базу великой французской революции. К этой группе принадлежали Вольтер, Дидро, А. Ламетри и другие.

Встреча Пушкина с телят Грибоедова.
Александр П. Боровик (1889 г.).

на. Этот образ лишь психологически суммирует повесть. Чувствуя, что выдуманный автор не может обогнать весь цикл повестей, Пушкин добавлял в предисловия, что Иван Петрович, собственно, записал чужие повести, ни самовидные.

Но и при таких условиях «Повести Белкина» не могли бы принадлежать перу простодушного, малокультурного горожанинского помещика. Достаточно вспомнить, что в «Повести Белкина» известны французские, немецкие, английские, латинские, итальянские цитаты, не говоря уже о сладах обширного знакомства с литературой (упомянуты произведения Петrarки, Шекспира, Стюда, Шавковского, Исаева, Потресовского, Ж.-Ж. Руссо и т. д.). Но это не забыл Пушкин. Ему важен был общий тон рассказов, общий уровень интересов, отражавшихся в этих картинах провинциальной России.

«История села Горюхино» основана на непосредственном знакомстве с крепостным бытом родового поместья Пушкиных. Боливно и сжато Кистеневая дала непосредственный материал для «Истории». Но Пушкин придавал им общезначущую силу изображения всей крепостной России вообще. В этой истории должно было быть изображено крепостное крестьянство, на труде которого покоились бы поместья, помещики в «Повести Белкина». Пушкин написал только начало, убедившись, повидному, в полной нецелесообразности своего замысла. Сохранялся лишь крепостной плав, где видно, что Пушкин хотел изобразить крестьянский быт. Повидному, в основу этого рассказа должны были лечь предания о действительном быте кистеневских крестьян. Не даром разработано дореволюционное Пушкина называл тем же именем — Кистеневой.

После «Повести Белкина» следует ряд незаконченных произведений (среди них «Фосафам», опыт исторического романа из времени войны 1812 года). Главное место в ряду этих новых попыток большого романа занимает «Дубровский», который писался в конце 1832 и начале 1833 года.

Тема «Дубровского» отчасти подсказана плавом «Горюхино». Это история помещичьего разорения и крестьянского бунта. Но все это являлось фоном для изображения центральной фигуры — Владимира Дубровского.

Пушкин чувствовал себя как бы отщепенцем своего класса, но дворянство мещанином. Его привлекала тема о дворянстве, сознательно оторвавшись от своего класса и перешедшем на сторону его противника. Опытном разработчик этой темы и являлся «Дубровский».

Тема эта в творчестве Пушкина была не новой: собственно говоря, уже Алако в «Цыганах» являлся прототипом такого отщепенца-дворянина.

«Дубровский» также остался незаконченным. Повидному, роман не удовлетворил автора. Не дописав романа, Пушкин попал на новый со-

вет, где вопрос о дворянстве, ущемлении от своего класса в атеизм братом, мог быть разрешен с большей силой изображения. Это был сюжет об офицере Швабрине, служившем в войсках Пугачева.

Пушкин бросил «Дубровского» и принялся за изучение «путавшихся», для чего стал изучать архивные материалы и воспоминания современников, а затем вышел на места событий.

Во времени этой поездки относится и создание Пушкиным «Ликовой дамы».

Эта повесть писалась в период, близкий к созданию «Медного всадника», и среди прозаических она занимает то же место, что и «Медный всадник» среди поэм. Повесть обильна с полнейшей фантастичностью сюжетов, мотивов, в обеих случаях сумасшедшего героя (но в обеих случаях данная так, что может быть принята за реальность).

Когда писался «Ликовая дама», Пушкин был уже знаком с фантастическими повестями Гогмана и Балзакна. Но, пожалуй, наибольшее впечатление на него произвел роман Стендаля «Красное и черное». Главный герой этого романа — Лийанс, тип, знаменательный для эпохи: это тип нового человека, пробившего дорогу к власти, тип, получивший наиболее яркое выражение в Наполеоне. Вот этот «наполеоновский» тип Пушкин и показывал в русской обстановке.

В эту эпоху история для Пушкина уже не являлась лишь материалом для параллелей и объяснений: Пушкин знал уже, что современность нельзя понять без знания прошлого.

На историю он смотрел как на средство познать корни и основы современности. А изучение молодых буржуазных историков Франции давало ему возможность осознать до некоторой степени роль в истории социальной борьбы. В «Медном всаднике», как и в «Ликовой даме», видна забота о социально-исторической верности изображения героя. Обломком старого дворянства, доживающая свой век графиня, связанная еще воспоминаниями с дореволюционным дворянством Франции, символизирует уходящее классное. Герман — это, наоборот, наступающий на дворянство разношерст. Время его еще не пришло. Его расчет покоится на аваре, на риске. Лучшая история Германа заключается гибелью, но чувствительность, что близко время, когда Германы станут возмущенными положением.

Повесть Пушкина имела чрезвычайный успех. Литератор Сенковский написал Пушкину восторженное письмо, в котором приветствовал новый язык прозы, национальный язык, на котором могли бы говорить все, «от графини до купца второй гильдии».

Пушкин стремился на смену дворянскому языку караимцев и мещанскому языку «простолюдинов» и «убогих» прозу создал обильно национальную литературный язык, и эту задачу он разрешил.

Менее чем за год до смерти Пушкин напе-

чатал «Капитанскую дочку». Первоначальный замысел повести сильно изменился за эти годы: вместо саниного героя Швабрин Пушкин дал ему: поместительного Гринев и отрицательного Швабрин.

Простоватый Гринев понравился Пушкину, чтобы спрятаться за него как за рассказчика. Пушкин, по цензурным условиям, не мог выступить с романом, в котором были бы раскрыты его взгляды на время Елизаветы II. Он резко отрицательно судил о ее деятельности и сохранял ненависть к ней до последних своих дней. В романе пришлось дать официальное ее изображение, и для этого Пушкин передал слово благонамеренному Гриневу, изображая себя только издателем его записок. Гринев — своего рода Белкин. Конечно, не все в романе строилось по Гриневу: кое-что Пушкин говорил и от себя. В частности, нельзя утверждать, что слова «о быте беспощадном» не выражали убеждений Пушкина. Но тогда картина, что провозгласил сам Пушкин и что — созданный им Гринев, нет возможности. Играя на этом, Пушкин ввел в роман много такого, за что он был завета себе ответственности.

«Капитанская дочка» являлась последним законченным прозаическим произведением Пушкина. К последним годам его жизни относятся попытки написать повесть из светской жизни, но из всех попыток более или менее определилась только замысел незаконченной повести «Египетские ночи».

Проза Пушкина не получила признания современников. Но современники оказались неправы. Вскоре после смерти Пушкина русская проза в лице Гоголя и его школы достигла расцвета. Гоголь признавал себя учеником Пушкина. Повесть о идиотском чиновнике — «Шинель» — явно ссылающаяся со «Станционным смотрителем» и с образами других «маленьких людей», как их изображал Пушкин. Натуральная школа развивалась на пушкинских прозах. Неудачно проследить нечто, связывающее основные замыслы Гоголя с произведениями Пушкина. Два главных сюжета Гоголя — сюжет «Мертвых душ» и «Ревизора» — даны Гоголю Пушкиным.

Как известно, Белинский приветствовал появление повести Достоевского «Бедные люди». Эта повесть имеет прямую связь с творчеством Пушкина. Не даром в повести вложено большое влияние с сочинениями Пушкина. А «Бедные люди» подготовили такой значительный социально-психологический роман, как «Преступление и наказание». Русский социальный роман, в последнем счете, опирается на Пушкина. Он пошел по указанному Пушкиным пути, и именно он завоевал почетное место русской литературы в Европе.

С романов Достоевского, Тургенева, Толстого начинается эпоха обратного влияния русской литературы на западную. Этот расцвет русской литературы был всецело подготовлен прозой Пушкина. Благодаря ему русская литература с легкой вернула Европе свой долг за дилетанство вичуку.

Иллюстрация В. Шухова к «Ликовой даме».

И. И. Левитан «Осенний день».

А. С. ПУШКИН

ОСЕНЬ

ОТРЫВОК

Что в мой дремлющий толики не входит ум?
Делавая

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с вяхей своих ветвей;
Дохнула осенний хлад — дорога промерзает —
Пурча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосна молно пошепчет
В отсырже поля с окошком сней,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы...

II

Теперь моя пора: и не люблю весны;
Скупца мне оттепели, вошь, грыз — весной я болес;
Кровь бродит: чувства, ум тоскою стеснен.
Люблю зимой и более доволен,
Люблю ее снега: в присутствии луны
Как легкий бег саней с подушкой быстрой и волан,
Когда, под соболем, согрета и свежа,
Она нам руку жмет, пылая и дрожа.

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользнуть по зеркалу сточных, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?
Но надо знать и честь: полагая снег да снег,
Ведь это наконец и питиею беречь,
Медведю надоест. — Неабыя же целый век
Кататься нам в санях с Аримидом младшим
Иль лиснуть у пещей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любима бы я тебя,
Когда б не зной да пыла, да комары, да мухи,
Ты, все душевное способности губя,
Нас мучишь: как полж, им страдаем от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя,

Иной в нас жемчуг нет — и жаль Зимы
старухи,
И проводит ее блинами и вином,
Попинки ей творит мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красно тихому, блистающей смиренности —
Там нелюбимое дитя в смысле родной
К тебе меня влечет, сплетает нам откровению,
Из годовых времен я рад лишь ей одной.
В ней много доброго; любовник не тщеслав-
ный,
Я нечто в ней нашла мечтою споспешной.

VI

Как это объяснить? мне нравится она,
Кель, вероятно, нам чужоточная дева
Порою нравится. — На смерть осуждена
Белизника клоуны без ронета, без твиста,
Молва на устах увикувших видна: —
Могла бы и пропала она не слышит зова!
Играет. — Ни лице еще багровою цвет —
Она жива еще сегодня, — завтра нет.

VII

Улыбка пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрянце и в золото одетые леса —
В их сенях ветра шум и свежее дыхание
И желой волнистою покрыты небеса,
И редкий солона лут — и первые морозы
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь.
Чредой слагает сон, чредой находит голод;
Летко и радостно играет в сердце кровь,

Желания кипят — и снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — такой мой организм
(Извольте мне простить неужный празнник).

IX

Ведут ко мне кони: в раздолжи откровеньем,
Махая гривой он всадника несет,
И звонко под его блистающие концы
Звенит промерзлый дил, и трескается лед —
Но гаснет краткий день — и в камельке за-
том
Огонь сплать горит — то яркий свет лает,
То тает медленно — а я пред ним читаю,
Иль думу долгие в душе моей питаю.

X

И заблуждаю мир, — и в сладкой тишине
Я сладко уснул мном воображеньем,
И пробуждаются новизны во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепетает и звучит и шепчет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет неяркий рой гостей,
Знакомых давние, изломов мечты моей. —

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной
ваго,
Но чуж — матросы алгут кидаются, повзут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны
Грохота двинулась и рассекает волны. —

XII

Помечет. Куда ж нам память?

Лирика

Вот этому «свету», этой «холодной толпе», Пушкин и адресовал свои стихотворения, защищая независимость поэта от «черни тупой», которая не видела в его стихах «полазья».

Полетя прочь — кляню дею
Поету мерному до восты —

отвечал он «красотникам, рабам, гаушам», стремившимся заставить поэта писать по их заказу. А в стихотворении «Из Пиндемонте» Пушкин так мотивировал уход «поэта» от «толпы»:

«... Зависеть от властей, зависеть от народа —
Из веял ли им равно? Нет с ними, Нексусу
Ответа не давать, себе лишь самому
Слушать и угождать, для власти, для лавров
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...»

В одной из рукописей этого стихотворения вместо слов «Зависеть от властей» написано: «Зависеть от царя»..

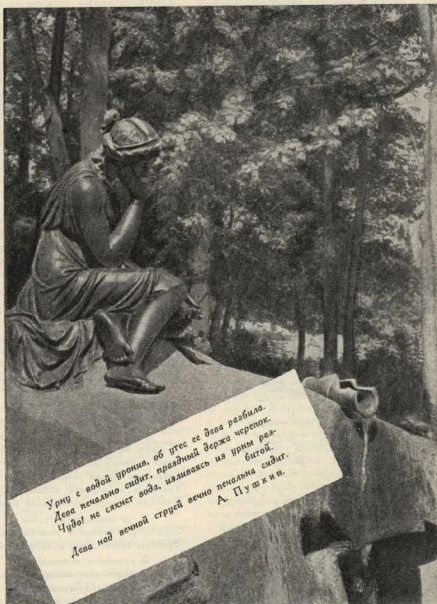
Автограф стихотворения А. С. Пушкина «Бег»

До Пушкина ведущее место в русской поэзии занимала хвалебная и реализмодидактическая лирика. Художественное творчество строго ограничивалось требованиями придворного вкуса. В поэзию нельзя было вводить картины «грубой», «низкой природы». Иначе говоря, это было искусство антрепренеза-спесос. Основным жанром считалась ода, которая писалась на различные «торжественные» случаи и даты. Поэты, не принадлежавшие к высшей знати, не чувствовали под собой твердой почвы и вывалились под этим жеценством. Один из таких поэтов, В. Петров, мечтавший о счастье быть «карманным стихотворцем» государыни, говорил о своем покровителе — графе Потемкине: «Что был тот орел, на плечах чьего сидя я лея, не боясь молний и грома, будучи уверен, что он меня не уронит...» Разумеется, такое «пение» было поном лишь лести и фальшивых восторгов.

Советская молодежь, выросшая в стране, где работникам культуры создали все условия для свободного творчества, с трудом представлял себе, какую борьбу вел Пушкин за право на творчество, не зависимое от полицейского контроля самодержавия. Между тем, только зная это, можно понять смысл ряда пушкинских стихотворений, провозглашающих право художника на свободный, независимый труд («Разговор книгопродавца с поэтом», «Поэт и толпа», «Поэту», «Ответ анониму», «Из Пиндемонте»).

Враждебный светскому обществу характер пушкинской поэзии, бичевавшая ложь и несправедливость существовавшего строя, быстро восстановила правдоподобие и вынуждала знать против поэта. Если до разгрома декабристов Пушкин был идейно связан с целой группой передовых людей своего времени, то после 1825 года он остался в социальном одиночестве. В «Ответе анониму» (Н. А. Гурьянову), написанному в связи с предстоящей женитьбой Пушкина приветственное стихотворение, поэт с горечью говорит об этом одиночестве:

«...Благозвон тебе душой умиленной,
Винюшка слабо предлет удивленной,
К деформализму досель я не привык —
И странен мне его привставный язык.
Символ, участия твои убоит у свиста!
Холоден полк марширует на поэта,
Как на зловещего фиделора...»

Статуя в Детскоевском парке, посвящая поэтом.

Некоторые буржуазные критики стремились изобразить Пушкина как художника, удалившего от «земных сует» в «отчужденный мир», погруженного в служение «чистому искусству». К сожалению, и сейчас еще в читательском массе встречается подобное мнение о Пушкине. Между тем ничто не было ему так враждебно, как поэзия призрачная, туманная, анимированная органическими силами жизни, с постоянной борьбой. Точно так же не соглашались он признать какую бы то ни было ценность за произведениями поэтов, виденных лишь как искусство только в формальной изобретательности.

«Ее мешало бы нашим поэтам иметь стему идей гораздо познательней, чем у них обыкновенно водятся», — отмечает Пушкин. И забвенно поэтом Мамерба и Ронсаро он дал следующее объяснение: «Сии два таланта истинно свои силы в борьбе с усовершенствованиям стили... Такова участь, ожидающая писателей, которые преткнут более о метафизике языка, извурных формах слова, нежели о мысли — истинной жизни его, не зависящей от употребления». И если в сонете «Поэту» Пушкин писал:

... Ты дарил мне язык. Дорогой свободный
Меня, как влечет тебе свободный ум,
Усовершенствуй блуды свободный дум,
Но прости, когда не пойдешь благоволяя...

то эти строки он выражал свое презрение к «светской жизни», а вовсе не преданность равнодушию к действительности «искусству для искусства».

В литературе о Пушкине не раз упоминается об оптимизме как об одной из самых характерных особенностей его поэзии. И в самом деле, личность Пушкина настолько пронизана жизнеутверждением, наполнена солнечным светом. Источник этого оптимизма находился, конечно, вне мрачной действительности царской России. Этот оптимизм возник в поэзии Пушкина только благодаря пониманию им тенденций исторического развития, благодаря присущей ему исторической интуиции. Даже в самые темные годы реакции он не забывал о том, что исторический процесс не может остановиться никаким силам старого мира.

Приветствую тебя, воступивший уполно,
Привет сполна, трудов и вдохновения,
Где дается твой мекх великий потог

На доня счастья и заветный!

Я твой: я променял горючий род цвирей,
Роскошныя нирмы, забавы, заблуждения
На ширный мир дубров, на тышину полей,
На праздность вольную, подругу размышления.

Такие стихотворения, как «Наполеон» или «К Мельмунду», в которых развивается тема борьбы двух эпох, по силе и остроте социальных характеристик не имеют равных в русской классической поэзии. Понимая невозможность «близких перемены», Пушкин вместе с тем избегал пессимизма. Это предвидение новой эпохи русской истории (которой он, конечно, не мог ясно представить) в предисловии Пушкину к поэме строит:

И долго бегу тем любован я парят,
Что чувства добрые в мирю побуждают,
И мой истовый век воскалса в свободу
И мнотра и падали призывала.

Оптимизм творчества Пушкина явился результатом мужественного преодоления жизненных противоречий, а не игнорирования их. Это видно тоже из того, как разрабатывал он в лирике «вечную» для поэтов тему армян и народов тему смерти.

В своих стихах Пушкин еще высмеивает религиозное идеальство и прославляет «святую жизнь Хадита» антирелигиозную поэму Байера «Оракулская дествиния». В поэме «Гавриана» вышла свое блестящее выражение поэзия Пушкина.

В некоторых стихотворениях тема «земная» и «небная» подлита до философского уровня. В годе своего идеального кризиса Пушкин серьезно задумывался о смерти. Об этом свидетельствует отосланный в 1823 году незаконченный набросок эссеги «Нелепой сладостной маладешеской дышья». В этом наброске поэт выражает готовность покинуть «страшный мир», «скупившись жизнью» если бы он мог поверить существованию предела. «А где смерти нет, где нет пресудасудий». Однако поэтика поэта поверить этой «элегантной мечте», его ум отторгает, не верит, негодует:

Меня оптимистическим мнотра ужасает,
Кли Нанго — не мнотра, не мнотра любован...
Мне струило, — я на живая гавку чавкала вояла
И долго жить хочу, чтоб долго омер мнотра
Тышля в тышля в днотра мой ушала!

А в стихотворении «Брожу я ли вдовь умиг шумель» и «Вновь и посетил ты вдовь»

трагизм смерти преодолевается развитием идеи бессмертия природы, преемственности поколений:

И проту у гробового мнотра
Малад бугет юматра гнотра...

Но не следует все же думать, что в поэзии Пушкина совсем не находили места трагическая безнадальность, отчаяние, тоска. Нет, безнадальность жизни в царской России, на протяжении многих лет трагичней поэта и поголовнейшей его гибели, породила такие стихотворения, как например «Дар напрасный, дар случайный...». Близил у Пушкина неудачи и горести, выпавшие отразены в его лирике. Но зато не найдем того душевного надлома, который так знаком нам по поэзии символистов.

Итак, оптимизм творчества Пушкина неразрывно связан с его реализмом. В пушкинской поэзии русский реализм достиг впервые была показана не в парнасских высот витийствующих олондизов и не в сволах туманную призму мистических романтиков, а такой, какой она была на самом деле.

Общественное огромное агитационное значение политический стихотворений Пушкина («Боянность», «Сказка», «Ура! в Россию скаклет...», «Деревня», «Князь и др. для русского революционного движения. Стихотворения Пушкина имели также огромное значение для развития русской реалистической литературы, неразрывно связанной с освободительной борьбой против царского режима.

Пушкин много уделял внимания вопросам народности и правды искусства. «Есть образ мысли и чувствования, есть тема обмыва и поверий и привычек, принадлежания исследованиям насущнобуд народу. Кинет, образ правления, вера — дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отразается в зеркале поэзии», — писал он в заметке «О народности в литературе». И в понимании народности нашло отражение и в его работе над созданием стихотворного языка. Такие произведения, как «Песни», «Слеза жизни», «Песня о Степаны Рамине», «Утоплен

А. С. ПУШКИН

Д е р е в н я

Я твой: люблю сей тихий сад
С его прохлады и цветами,

Сей дуг, установленный душистыми сквердами,
Где светлые нирмы в кустарниках шумят.

Везде передо мной подлинными картини!

Здесь вижу дух омер алурные равнины,

Где парус рыбаки бредт мнотра,

За мнотра рад холмов и нирмы поласаты,

Вдали рассмешены хаты,

На вальных берегах бродящие стада,

Оливным дымящие и мнотра врылаты;

Везде слыши довоинства и труда.

Я здесь от суетных оков освобожденный,

Учусь в нирмы блаженств нирмы нирмы,

Соблюдю днотра закон боготворит,

Ротанью не внянны толы неперснотенной,

Учусь отнотра застенчивой мнотра

И не заводящий судье

Здесь, как гавка в вальном нирмном.

Оракум мнотра, здесь вонюпа мнотра!

В услужении вальном

Самые ваш отрядный глас;

Он гонит лнотра сон урмный,

К трудам рождает жар по нирмы,

И вали творческие днотра

В душевной зреет гавке.

Но мнотра ушала здесь душу оврачат:

Среди цветущих нирмы и гор

Друг чавкало нирмы нирмы замечат

Везде нежесткая губительный потог.

Не вали снотра, не мнотра стога,

На гавку больше избранное судьбой,

Здесь бартво днотра, без чувства, без закона,

Приснолю себе насильственной лнотра

И труд, и собственности, и время земледельца.

Склоняясь на чудный гавку, покорству бичам,

Здесь рабство тоще чавкало по брадам

Неуномного вальдья.

Здесь тихий нирм до гроба все влукот,

Надежа и склонности в душе питать не снотра,

Здесь днотра юные цветут

Для прихоти бесчувственной вальдот:

Овра нирмы стареющих отцов,

Младые снотра, товарищи трудов,

Из хнотра родной нирмы собой ушнотить

Дворные толы нирмных нирмы.

О, снотра б глас мнотра ушала тревожнот!

Почто в гавку мнотра гавку бесладный жар?

И не днотра мнотра в днотра внотра гавку жар?

Ушноту ль, о днотра, нирмы неушнотной

И рабство, падноту нирмы чара,

И над отнотра снотра протнотной проснотной

Взойдет ли, наконец, небрасная зарь?

ник», «Бесе», «Румяный критик мой», «Песни западных славян», «Усар», «Восвоя», являющиеся величайшим подтверждением слов Пушкина: «Всплываю в просторное море, чужие, молодые писатели, — им в них можете научиться многому, чего не найдёте в наших журналах».

Значение этих стихотворений не только в том, что в них смело употреблялись «просторные» слова и выражения: осваивая народный язык, Пушкин стремился к замене прикрас в поэзии его времени «глазлив», «шарлатан», «назвонками» слов и выражений «престесту нагой простоты», свободной от условных украшений стихотворства. По существу, это сводилось к борьбе за реалистическое изображение действительности, противоположное стремлению основной массы дворянских поэтов XVIII века скатываться противоречия, приукрашивать изображение. Отсюда, поэта любовь Пушкина к «точности», «Точность» Пушкина заключается в стремлении к достижению полного соответствия художественного образа с изображаемой действительностью, поэтому пушкинские стихи так насыщены деталями, определяющими и уточняющими призрака явления.

«Плетет облако летучая гора,
Звезда смуглая, в вечерней синеве
Твой арт осиротил, угадал разномыслие
И речею шёл вала, в чернилах катерини,
Лобом твой слабый свет в небесной вышине»

и т. д.

В этом стихотворении все точно определено, все своеобразно охарактеризовано.

У Пушкина нет штампов: изображение явления и предметов всегда соответствует общему заданию произведения.

В стихотворении «Зимнее утро» дана картина природы зимнего утра:

«Над голубыми небесами
Визгачище полярное
Висит на склоне, где лежат,
Просветлый лёд, а снег чернеет,
И как сонно шёл человек,
И речею шёл валам бегущим».

Здесь, в соответствии с общим своеобразным строем произведения, снег «блещет на солнце», лежит «великолепными чинами», Иной слог в стихотворении «К Овидию»:

«Ты живи восточная в юности воображеньем
Простую музыку — поэта заточено,
Травяной след небес, обмываемые сегола».

Наконец, в «Беседе»:

«Навсегдамо луга
Освадет снег летучий».

Здесь видят «летучий» усматривает общую картину зимней выюги, окружившей близлежащее с облада пушкина.

Просты и точны такие сравнения Пушкина. Они, как правило, конкретны и живописны. Таково сравнение судьбы лирического героя с «аллодамом аистом», труппирующим «за tieto обломки» («Я перелетаю сюда желанно», или «бегу дальше» («Что в жизни тебе моем»). Предметная конкретность характеризует и образы и отдельные художественные детали поэзии Пушкина. Так, в стихотворении «Наполеон» строки:

«Наполеон пошел в тот миг
И аллодамы устал пошел» —

я абстрактная символика, свойственная декадентской поэзии. «Аллодамы устал пошел» — это жестокая русская зима 1812 года, вызвавшая катастрофические потери французской армии во время наполеоновского похода.

В небольшой статье вела, конечно, осветить все многообразие пушкинской лирики.

Глубокое изучение творчества Пушкина раскрывает молодёжи все новые и новые источники яркости этой творческой, раскатыт короткого молодёжи, приобщает ее к творчеству величайшим сокровищам мирового искусства. Ведь Пушкин — не только национальный русский, но и мировой поэт, синтезированный в своей творчестве все достижения человеческой культуры!

Иллюстрация художника Сиватского
к III главе «Песни Онегина».

МИЛЛИОНЫ КНИГ

Сочинения Пушкина, издаваемые до революции, дошли до советского читателя в неополном, искаженном цензурой виде, в плохой редакционной обработке.

При Николае I начальник корпуса жангаров и верховный наблюдатель за цензурой генерал А. В. Дубельст говорил издателю А. А. Краевскому:

— Должно этой драки — сочинений — вавего Пушкина — при жизни его напечатать, чтобы продолжать еще и по смерти отыскивать неизданные его творения...

В СССР сочинения Пушкина издаются в миллионах экземпляров.

С 1917 по январь 1936 года выпущено 248 изданий отдельных произведений, сборников, одометриков, избранных и полных собраний сочинений Пушкина, общим количеством в десять миллионов экземпляров. Не только у нас до Великой октябрьской революции, но и где-то в мире некогда не распространялись так широко, не проликали так глубоко в трудовые массы произведения народного писателя.

К столетней годовщине смерти Пушкина впервые приступило к изданию действительно научного, академического, полного собрания всех творений великого поэта.

К началу 1936 года был выпущен один том этого издания (Драматические сочинения), а к концу 1936 года выйдет другой том (лирические стихотворения).

Первым шагом к осуществлению академического издания, подготовительным к нему изданию выпущенное в 1930 — 1931 годовое (пеститионное) собрание сочинений Пушкина (без писем) в издании «Красной нити».

Начатый одновременно выпуск этого собрания в Гослитиздате (так называемый сборник ГИХЛ) повторится с 1931 года уже третьим тиснением.

Но пеститионный ГИХЛ лишен текстологических, историко-литературных и иных редакторских пояснений.

Этот пробел до некоторой степени восполняет вышедший в конце 1935 года новым изданием одометриков избранных сочинений Пушкина под редакцией Б. В. Томашевского.

Одометриком снабжен подробными комментариями и справками. Молодой читатель найдёт здесь истинную статью В. А. Данилюка, биографию Пушкина и статью о его языке и стиле, написанные Б. В. Томашевским. Книга хорошо иллюстрирована авторскими рисунками Пушкина, его рисунками в тексте и многими снимками на валах антаст. Типографское оформление заслуживает похвалы. Таким образом, одометриком в настоящее время является одним из лучших изданий собрания сочинений Пушкина.

Ценным дополнением к этому одометрику могут служить сборники одометриков произведений Пушкина (драмы, проза, лирика, поемы и т. п.), выпущенные Гослитиздатом, со статьями и пояснениями Д. Д. Благого и Б. В. Томашевского.

В хорошем типографском оформлении выпущен издательством «Академия» девятитомное полное собрание сочинений Пушкина. Из этой серии вышло пять томов. К 1937 году издание предполагается закончить.

Готовятся к печати и отчасти уже выпущены в свет собрания сочинений и отдельных произведений Пушкина в переводах на языки: авестий, армянский, белорусский, грузинский, еврейский, казахский, карельский, немецкий, татарский, туркменский, тюркский, узбекский, украинский, фарсидский, чешский и другие народов СССР.

Однако всего этого мало. До столетней годовщины смерти поэта осталось не так уж много времени. В стране началось уже подолгование к юбилею. Всюду требуют книги Пушкина, а их мало, особенно в районах.

Комсомольцы станции Северного Кавказа устраивают пушкинские вечера. Они пишут в своей красной комсомольской газете, что с трудом достают один истинный томик Пушкина на целый коллектив. В библиотеках книг Пушкина мало.

В чем же дело? Нам известно, что готовятся к печати роскошные иллюстрированные многократные выпуски произведений Пушкина. Мовет быть, это и нужно. Но прежде всего нужно дать Пушкина в миллионах тиражах по доступной цене.

С. ШТРАХ

ГОВОРЯТ КНИЖИ

LAURENCE
P. COLLIER

LAURENCE
P. COLLIER

тесное и журнал Петра первого, есмеемички Карамзина...

Такую же картину наблюдали друзья Пушкина, посещавшие его летом 1831 года на его даче, в Царском селе. В небольшой нагнетом солончарь кабинете везде лежали книги на столах, на диване и даже на полу.

Библиотека Пушкина путешествовала с ним из Михайловского в Петербург. В Эрмитаже она, везя с собой Пушкина, еще, по словам писателя, была, по всем книжкам, обыкновенно бродила по всем книжным лавкам.

Книги скоплялись в Михайловском и по мере надобности, постепенно переводились в Петербург. Так, 30 января 1827 года няня Пушкина Арина Родионовна писала поуту из Михайловского: «Мм, батюшка, от вас ожидан письма, когда вы прикажете перенести книги, но не могли дождаться, то и вознамерились по вашему старому приказу отправить: то я и посылала больших и малых книг счетом 124 книги».

Окончательно переехав в Петербург после женитьбы, Пушкин решил перевести из Михайловского свое личное библиотечное.

В январе 1832 года он писал Сосилову по этому поводу: «Примите мою искреннюю благодарность за те заботы, которые вам угодно было оказать моим книгам. Я злоупотребляю вашей добротой и вашим временем, но умоляю оказать мне последнюю милость: — приказать слугам у меня людей в Михайловском, нет ли там еще сузала, присланного в деревню вместе с книжками, содержащими мои книги... Он должен сорвать, несколько книг, которые я не могу отыскать».

Попытавшись библиотеку и книги родственникам, «Я нашел в доме старую библиотеку», — писала Пушкин жене 26 августа 1833 года из имения этого — Даровалы, — и Нат. Ия. позволяла мне выбрать нужные книги. Я отобрал из десятка три, которые к нам прибегут

с варением и лавками. Таким образом, набег мой на Эрмитаж был вовсе не напрасен».

Были случаи и иные поступательные книги. Так, в 1828 году, играя в карты у И. Е. Бельзавского, Пушкин получил в уплату 35 томов «Энциклопедии». Несмотря на катастрофически растущие долги, Пушкин с жадностью приобретал книги. После смерти поэта опеке пришлось заплатить книготорговцу Бельзаву 3399 рублей.

Библиотеку умершего поэта распродавали все, начиная от Николая I (он взял себе из библиотек Пушкина рукописные записки о

жизни и смерти Екатерины II) и до конца опуском семьи Пушкиных Гаврило-Острельных, расставившим и продавшим мыслительную часть библиотек. Но она все же сохранила для нас образ Пушкина на хах одного из образованнейших и начитаннейших людей своего времени. Он не просто собирал книги и не просто читал их: он книги изучал и в жизни спорил.

В составе его библиотек имелись труды по словесности, истории, языкознанию, географии, естествознанию, медицине, физике, искусству и др. И большинство этих книг содержит интересные заметки поэта.

Например на полях книги «Записки о жизни и службе Александра Ямича Бибикова», которую Пушкин использовал для изучения Пушкенического быта, имеются такие пушкинские строки: «Валер, взятый из лапного романа, лжевый Петр III».

Собрание древних российских писателей допущено Пушкиным таковой поговоркой: «Был далеко, да дойти легко. В Черкессе близко, да дойти тяжело».

Читая многочисленные «Детские Чтения» Голеницына, Пушкин на полях главы о побеке колокольных пишет: «Ужас жестокий».

Таких записей множество расписано на полях пушкинских книг, хотя читал он стремительно, до ста страниц в день.

Пушкин интересовался не только исторической литературой: он обнаруживал также живой интерес к вопросам экономики. В записке о народном образовании, составленной по поручению Николая I, Пушкин отмечает необходимость преобразования политической экономики, а также статистики.

В Пушкинскую библиотеку сохранился экземпляр книги юриста Орлова «О государственном кредите» со вставкой 20 перепечатанных листов, понятымому, записанным цензурой.

История, литература, философия, политическая экономика, медицина — все интересовало Пушкина, все будило его полетившую мысль.

На радужных книгах библиотек Пушкина встает фигура энциклопедиста XIX века, одного из образованнейших людей императорской России.

В. Ш.

10 марта 1832 года после настольных просьб Пушкин получил, наконец, доступ к библиотеке Волгера.

Библиотека знаменитого писателя и философа хранилась под семью замками в Эрмитаже.

Безоумно знакомыми Пушкин со старинными книгами. От его внимания не ускользнула ни одна рукопись. Пушкин составил полный каталог вольтеревских книг и манускриптов.

В этих запясах чувствуется ревнивая рука книголюба. Книги — большая страсть Пушкина, и книги Пушкина много рассказывают в биографии поэта.

«Прощайте, друзья!» — воскликнул уходящий Пушкин, обращаясь к своим книгам. Смешательно раненный, пот аска на диване, между двумя радями книжных голок.

С книгами был связан и творческий бред Пушкина, о котором он рассказывал Давлю: «Мне было притвезало, что я с тобой лежу вкря по этим книгам и поламываю... и голова захрундася».

Страсть к чтению развилась у поэта очень рано. 9-летней Пушкин обнаружил в родительском доме фамильную французскую библиотеку. «Ребенок проводил бесконечные ночи и тайком в кабинете отца пожимая одну книгу за другой. Он одарен был памятью немомовой... — рассказывала его брат, А. С. Пушкин».

«Книг, ради бога, книг!» — пишет Пушкин из своей ссылки в Михайловском. И друзья поэта шлют книги и Михайловское ажианси.

Где бы ни находился Пушкин, он всегда был окружен книгами.

«Вчера я обехал у Пушкина, — пишет в дневнике от 16 сентября 1827 года А. Г. Буянов. — В молдавской красной шапочке и халате увидел я его за рабочим столом, на ком были разбросаны все принадлежности повседневной жизни. Дружко также на нем лежали Монт-

Знакомый студия Волгера, сделанный Пушкиным и запиской к нему по имени работы и Эрмитаже над разбор библиотек великого французского писателя.

Комната в Михайловском

Беседа с директором музея Пушкинского дома Б. Шепотинниковым.

«Все это происходило на маленьком просторном: комната Александра была возле крыльца, с окном во двор, через которое он увидел меня, услышал колокольный звон. В этой небольшой комнате помещалась кровать его под пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и прочее и прочее».

Так писал Пушкин, друг поэта, оставивший нам наиболее подробное и интересное описание комнаты Пушкина в пушкинском и запущенном доме с Михайловского.

Черты пейзажа, современного Пушкину, сохранились, но дом сгорел. Сейчас неизвестно поэтому естественного света и условия производительности. Он

становит стогоренный дом. К сожалению, восстановили всю обстановку дома нельзя: следений о комнатах поэта не сохранилось. Зато комната Пушкина подробно запечатлена не только в воспоминаниях современников, но и самим поэтом. Там, в комнате:

«Все было просто: два дивана, два кресла, стол, два стула...».

Мы воссоздали общий облик комнаты, где творил Пушкин. Здесь не должно быть ни каприза или.

«Пушкин был очень прост во всем, что касалось до вещей обстановки... Иметь просторную комнату для литературных занятий было у него даже потребностью таланта и условием производительности. Он

не любил карты в своем кабинете, и тогда серьезная комната была ему более удобна, чем роскошный кабинет с астамидом, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его».

Так пишет первый биограф поэта Анненков.

Простая деревянная кровать стояла в этой комнате. Вместо этого нововведения было сделано просто. Незащищенный стол, стула и кресла с книгами. Вот облик комнаты, где писался «Евгений Онегин» и «Борис Годунов».

К счастью со дня смерти поэта Михайловская усадьба и комната Пушкина будут восстановлены.

В. З.

ВРАГИ ПОЭТА

... Опи, произнесенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.
А. С. Пушкин

На А. А. Аракчеева¹

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И Совета он учитель,
А царю он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он, «преданный без лести»²
— грозной солдат.

Александр I³

Властитель слабый и лукавый,
Пашинный щеголь, враг труда,
Нечаян пригетый славою,
Над нами царствовал тогда.

Графа Д. И. Хвостова

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

На М. С. Воронцова²

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец!..
На тут однако ж есть надежда,
Что полный будет маклюр.

¹ Граф Аракчеев — фаворит при Александре I, источник автору в сановитом, губернатор. Носивший известную на Кавказе. Высказывая на Петербурга Пушкина состояла у него на службе в Осташе.

Работа над комментарием к XIV тому академического собрания сочинений Пушкина привела меня к этой неизвестной эпиграмме-экспромту Пушкина. Эпиграмма была давно опубликована без имени автора в специальном издании — «Осташевском архиве». Однако принадлежность ее Пушкину до сих пор не была замечена.

Граф Д. И. Хвостов — бездарный поэт-графоман, бывший предметом постоянных насмешек Пушкина и его друзей.

А. М. Колосова, по мужу Каратыгина, — актриса петербургской драматической сцены, автор ценных воспоминаний о Пушкине. Пушкин посвятил ей эпиграмму «Все плачет нас в Эфирии» и позднейшее стихотворение «Кто мне пришлет ее портрет...»

Написана эпиграмма в связи с выходом трагедии гр. Хвостова, в которой была приложена портрет Колосовой, выступавшей в этой трагедии. Смысл ее в том, что бездарные вирши Хвостова артистка не выжуют с прекрасной внешностью артистки.

Наданный мною эпиграмму печатается одновременно во втором номере «Временника Пушкинской комиссии» Академии наук СССР.

Проф. Д. БАЛГОВ

³ Александр I — русский император с 1801 по 1825 год. По его распоряжению Пушкин был сослан. Проводимым четверостишием начинается I-й, знаменитый Пушкинским глава «Евгения Онегина».

На Фотия¹

Полу-фанатик, полу-пау.
Ему орудие духовным —
Проклятие, меч, и крест, и кнут.
Поним нам, господи, греховным,
Помешье настывает таких,
Полу-благих, полу-святых.

На Булгарина²

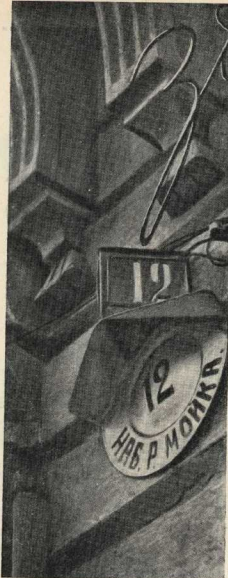
Не то беда, Андрей Флагарин³,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Вадок⁴ Флагарин:
Беда, что скучен твой роман.

¹ Александр Тютчев, первый реакционер и интриган, один из приближенных соратников Александра.

² Павел Вильгельмович — реакционный писатель и журналист, автор памфлетов. Илья Булгарин был сторонником политический крайности и бесстыдства.

³ Булгарин.

⁴ Вадок — французский швейцар. Написал «Мемуары», переведенные на русский язык. Его имя стало нарицательным.

Дом Пушкина

Очерк В. Викторова

мест мимолетство связано с именем поэта... И вот, наконец, подписан последний договор с доверенным владельцем дома № 12 на Мойке. Договор, состоящий из 11 пунктов «со службами: кухнею и при ней комнатою и подвальным этажом... конюшнею на 6 стойлов, сараем, сеновалом, местом на лодки и на чердаке и сунду для вин погребом».

Сюда осенью 1836 года, «разу с дачи на Черной речке, переехало семейство Пушкина и здесь меньше чем через полгода перестало биться сердце великого поэта».

Свернуто с проспекта 25 Октября на Мойку и за площадью Урицкого, перейдя широкий Печеский мост, вы увидите трехэтажный старинный дом. Мраморная доска висит между окнами:

«В этом доме 29 января 1837 года скончался Александр Сергеевич Пушкин».

Итак, сохранилась только одна петербургская квартира поэта: там, где Пушкин провел последние часы своей жизни, где разыгралась величайшая трагедия. Естественный огромный интерес к этому месту всех, кто любит и знает Пушкина, — а кто в нашей стране не знает и не любит его?

Как только перестало биться сердце Пушкина и врачи констатировали смерть, началась разрушение его квартиры. Тело Пушкина уже через час вынесли в переднюю, а кабинет, по приказанию Николая I, запечатали. Через два дня в квартире появился начальник штаба корпуса жандармов генерал-майор Дубасов. Под

длинно снятую в Гостином дворе клавовую. Через некоторое время из клавовой мебели Пушкина вывезли в Михайловское, где она, очевидно, погибла во время пожара. Библиотека же после вторичного замужества Натальи Николаевны была погребена в подвале казармы Конюшарского полка, где служила ее муж Александр. 63 года путешествовала библиотека поэта по деревням, где жила семья Ланского, и только в 1900 году попала в Москву, снова в Петербург и была передана Академии наук. За это время значительная часть книг была расхищена и потеряна.

Квартиру разгромили. Сразу же после смерти Пушкина помещение начали снова отдавать для сына домовладельца княгини Волконской, а затем квартира стала переплываться из рук в руки. О сохранении памяти поэта не могло быть и речи. Ведь только через 10 лет промелькнуло в печати первое сообщение о том, что Пушкин умер от острейшей формы холеры. До этого даже о таком факте говорить строго запрещалось. Имя поэта было вычеркнуто из жизни. В квартире Пушкина жила частные лица и одно время помещалась даже петербургское охотничье отделение.

Другая поэта подняла вопрос об устройстве на Мойке, 12, если не музея его имени, то хотя бы какого-нибудь культурно-просветительного учреждения. Эти попытки потерпели крах. В 1910 году пушкинская квартира была окончательно перестроена. Уничтожена старая парадная лестница и вместо нее проложена новую — с улицы, отделив от квартир четыре комнаты. Старая квартира не отсечала требо-

Город Ленина, бывший Петербург. Здесь Пушкин провел свои самые счастливые и самые тяжелые годы. Здесь он юношей вошел в жизнь и здесь 36-летним мужчиной прощился с жизнью. Здесь, в скромной комнате на Фонтанке, писал он «Руслана и Людмилу», и здесь же, на Мойке, написаны были последние его стихи.

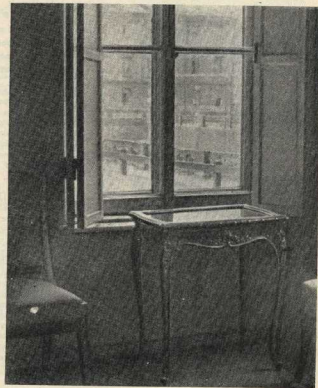
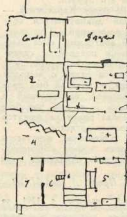
Великий город, холмбав революцию, был свидетелем одного из тайчайних преступлений русского царизма. На Черной речке был смертельно ранен великий поэт русского народа, на Мойке он скончался.

Неразрывно, навсегда связано имя Пушкина с этим городом. Порой кажется, что широкие проспекты, гранитные набережные, парки звучат музыкой пушкинских строк.

Хорошо известны места, где жили герои пушкинских произведений. Еще сейчас можно пройти по улицам, где бродил Герман, к дому по Морской № 10 — дому «пиковой дамы». Еще сейчас за Поверской площадью можно набрести на «домик в Коломне». Цели набережные и бульвары, где прогуливался Евгений Онегин... Но автор этих бессмертных образов был неслучайно. Больше всего — двух из них — задерживались ни на одной квартире. Только за последние два года своей жизни в Петербурге Пушкин сменил шесть квартир.

Почти все дома, где жил поэт, исчезли. Сохранился дом № 53 на Галерной улице. Но в какой из квартир жил Пушкин, — неизвестно. Недалеко от этого дома, на Английской набережной, находится здание колонны иностранцев, где служил Пушкин. Здесь же, на набережной, уделах бывший особняк Лавалла, где поэт 16 мая 1828 года читал «Бориса Годунова». Еще несколько домов, еще несколько

План квартиры А. С. Пушкина, сделанный В. В. Виноградовым.

Из окна своей гостиной Пушкин видел набережную и реку.

аниям современного комфорта. От детской отделили темную прихожую, через всю квартиру пошел косой коридор. Кабинет Пушкина был значительно уменьшен. В передней, где когда-то стоял гроб с телом поэта, была устроена уборная. Место же, где умер Пушкин, отошло под коридор.

Этому издательству над памятью поэта пришла мысль с победой революции.

В 1924 году квартира была отдана сперва обществу «Старый Петербург», а затем Академии наук.

С чего должны были начать свою работу реставраторы? Вещи расхищены, квартира совершенно изменена. Неизвестно ни расположение вещей, ни стиль мебелировки. Задача была почти неразрешима по своей трудности. Но существовал один документ, который как бы афишировал небитый туманный профиль потрепанной жизни. Это был план квартиры, составленный Жуковским непосредственно после смерти поэта. На двух листах торжественным почерком было набросано расположение комнат и вещей в квартире Пушкина. Жуковский словно понимал, что пушкинская квартира будет незамысловато разрушена и исчезнет для будущего навсегда, если не зафиксировать ее план в каком-нибудь документе. И к письму к отцу поэта, где описывались последние минуты Пушкина, Жуковский прилагал план квартиры.

87 лет спустя план Жуковского был передан архитекторам и реставраторам.

Как же выглядела квартира поэта?

Главный вход находился под аркой ворот, налево, и вел на парадную лестницу с колоннами. На первой площадке, налево, была дверь в переднюю. Напротив входной двери помещался кабинет Пушкина с тремя окнами во двор. Этот двор почти не изменился.

В кабинете были три двери: первая вела в переднюю, вторая — в большую светлую комнату — детскую, третья — в спальню. Дальше помещались гостиная, столовая, буфетная и темный чулан, имеющий доступ на лестницу.

Дошли до нас отрывочные сведения об отделке квартиры. Передняя была окрашена желтой клеевой краской. Столовая и гостиная — голубой. Полы были выкрашены красно-желтой краской. Из обстановки поэта сохранилось только несколько вещей: письменный стол, большое кресло, конторка и круглый столик. Сохранились ковешник в квартире портрет Пушкина работы художника Капренского, бронзовая чернильница, разрезной ножик, ножницы, гусиное перо. Вот и все.

Руководивший реставрационными работами М. Д. Белев должен был отказаться от детальной реставрации квартир. Был восстановлен кабинет в прежних размерах и уничтожены все следы перестройки 1910 года. В квартире была устроена Историко-литературный музей.

Сейчас правительственный Пушкинский комитет решил полностью восстанавливать квартиру и воссоздать быт семьи Пушкина.

Будет восстановлена парадная лестница с колоннами и возвращены комнаты, оторванные переделкой квартиры. Намечается освобождение второго этажа для того, чтобы туда перенести все литературно-исторические экспонаты, освобождая квартиру для полного ее воспроизведения.

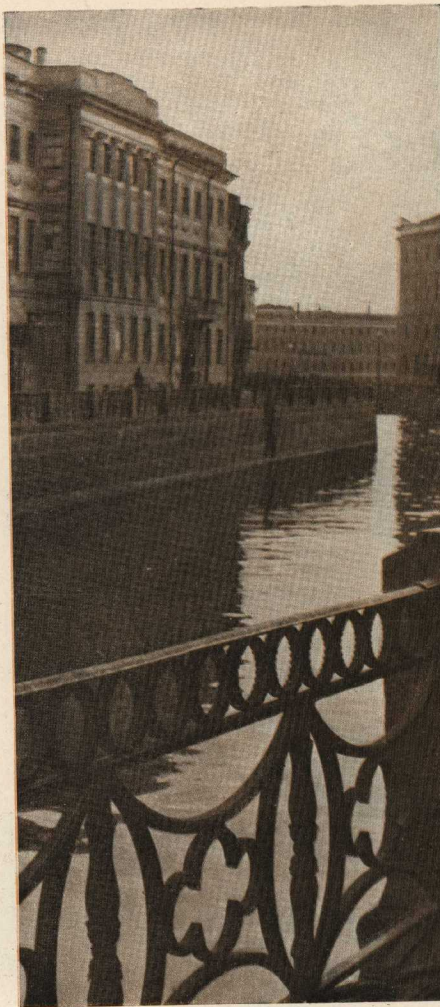
Невольно напрашивается вопрос: как же ее восстанавливать, если почти ничего не сохранилось? Не будет ли это милоулыбистой буффонией? Сдается сказать несколько слов о формальной и фактической достоверности.

Дом А. Н. Толстого в Хамовниках восстанавливается как бытовой музей. Мало кто знает сейчас, что этот дом, в который так и кажется, что вот-вот войдет Толстой, создан путем реконструкции. Когда начиналась работа, в доме почти ничего не было. Реставраторы восстановили дом Толстого по словам очевидцев и документам. Разве это уменьшает его ценность и достоверность? Ничуть.

Руководитель реставрационных работ Б. Шапшпихов рассказывает:

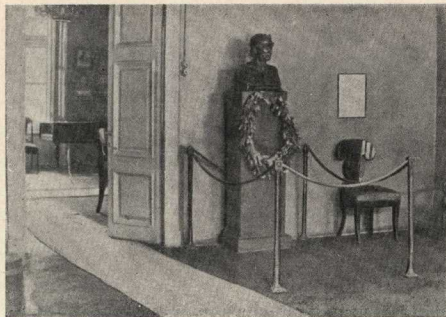
— По такому же принципу будет восстанавливаться квартира Пушкина. Пользуясь всеми современными научными методами, изучая меблировку, документы, все дошедшее до нас счета, начиная от счетов мебельного мастера Гамбса и кончая счетами живописца Ивана Савельева за прокат четверки лошадей, мы восстановим пушкинскую квартиру.

Многое уже удалось сделать. Ископавшая

Старинный дом стоит на набережной реки Мойки. В этом доме жил великий поэт.

Что читать о Пушкине

Здесь стоял диван, на котором скончался Пушкин.

данные счетов мастера Гамбса и портрет Пушкина работы художника Маера, где поэт изображен сидящим на диване, мы восстановили стиль дивана и создали абсолютно точную копию.

По плану Жуковского известно, что диван стоял, окруженный книжными полками. Один

известно, что в квартире Пушкина висел его портрет работы Кипренского. Но где висел этот портрет? И вот мы напали на воспоминания П. П. Вяземского, тогда студента, пришедшего протиснуться к телом поэта. Эти воспоминания позволяют установить, что портрет Кипренского висел в гостиной.

Ряд воспоминаний указывает, что в пушкинской квартире не было арmoireв, но вот известно, что Николай I, который как «официринка», по словам Пушкина, ухаживал за его женой, был недоволен тем, что она комнаты Наталии Николаевны закрыты занавесками.

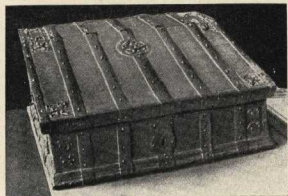
Проверив этот факт, мы действительно установили, что занавески на окнах были.

Установлена обстановка столовой: большой буфет, обеденный стол, диван, стелное зеркало.

Но эти вещи для нас — только вещи, по которым мы установили расположение остальных вещей.

Комнаты пушкинской квартиры невелики, и поэтому крупные вещи могут стать только в определенное место, что очень облегчает нашу работу.

К столетию со дня смерти поэта оживает его дом.

Фантланый ларей, в нем Пушкин хранил свои рукописи.

сприх позволяла нам определить точное расположение полок. До нас дошло воспоминание, где сказано, что, когда входили в кабинет к умирающему Пушкину, он был виден между полок.

В странном сочетании с именами ныне живущих в доме из Моее, № 12, звучит здесь фамилия Пушкина, и... упоминается на квартире № 1. Авторам этого замечательного журнала, видимо, даже неведомо, насколько неправильно подобная фамильярность с именем великого поэта. Как будто некая была уважать, что в квартире № 1 помещается пушкинский заловая квартира-музей!

До сих пор у нас нет полной научной и в то же время популярной биографии Пушкина. Надо полагать, что в ближайшие время будет, наконец, выполнен этот вопиющий пробел. Пока же следует указать на краткую и популярную биографию великого поэта, написанную В. Томашевским. Она помещена в последнем издании одностомового собрания сочинений Пушкина, выпущенного Гослитиздатом. В ней использованы новейшие данные о Пушкине.

Для ознакомления с жизнью и творчеством поэта чрезвычайно важны некоторые старые работы. Таковы «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии», а также «Пушкин и Александровская эпоха» П. В. Анненкова и «Пушкин в южной России» П. Бартеенева.

Отдаваемые периоды из жизни поэта подробно описаны в книге П. Е. Щеголева «Пушкин» (СПБ, 1912). В его же книге «Душа и смерть Пушкина» (Литр, 1928) собраны интересные данные о последнем периоде пушкинской жизни.

Много интересных данных читатель найдет в книге Б. Модзалевского «Пушкин» (Литр, 1929) и в книге В. Воровска «Пушкин в жизни», являющейся попыткой представить жизнь поэта в цитатах из документов, воспоминаний современников и исследований.

Интересна мемуарная литература. Не всегда отличающаяся абсолютной достоверностью, она, однако, имеет то преимущество, что о Пушкине живо рассказывают лично знавшие его люди. Из этой литературы следует прочесть: «Воспоминания о Пушкине» И. И. Пудова (М, 1934), «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартееневым» (М, 1925), «Воспоминания» А. П. Керк.

Изучение творчества Пушкина следовало бы начать со статей о Пушкине В. Белинского. Великий революционно-демократический критик поднял проблему изучения произведений поэта на огромную высоту. Надо ознакомиться также со статьями Чернышевского, печатавшимся в «Современнике» 1855 года, и с рецензией Н. Добролюбова о 7 томах сочинений Пушкина.

Подобляющие большинство позднейших работ носят узко специальный характер. Наиболее доступными являются «Рассказы о Пушкине» Н. Лернера (Литр, 1929) и «Мой Пушкин» В. Брюсова (М. и Литр, 1929).

Многочисленные исследования собраны в специальных сборниках: «Пушкин» (М. и Литр, 1924), «Пушкин в мировой литературе» (Литр, 1926), «Московский пушкинизм» (вып. 1-й, М, 1927; вып. 2-й, М, 1930), «Литературное наследие», тт. XVI—XVIII (М, 1935), «Пушкин, Временная пушкинская комиссия» (Литр, 1936, изд. Академии наук) и др.

Попытки марксистского истолкования и освещения биографии и творчества Пушкина до сих пор были не вполне научны. Оценка пушкинского творчества, его художественных достоинств и углубление его значения для нашей социалистической действительности остаются еще важнейшей задачей марксистско-ленинской литературной критики. Наиболее интересными работами с этой точки зрения являются: статья А. Луначарского в 1-ом томе изданного Гослитиздатом собрания сочинений А. С. Пушкина, «Художественное творчество поэта как стилистический процесс убит из области умирающего класса к новому классу, как ни являлся он был еще и по составу и по пути своим», работа В. Кирпичева «Восхождение Пушкина и коммунизм» и некоторые, хотя и во многом спорные работы Д. Благого: статьи в его книге «Гри воле», «Развитие реализма в творчестве Пушкина». После опубликования статьи Максима Горького «О Пушкине» многие спорные вопросы, связанные с характеристикой Пушкина и оценкой его творчества, становятся ясными. М. Горький дал блестящий образец марксистско-ленинского истолкования творчества великого русского поэта. Мы горячо рекомендуем эту статью (отрывки из нее помещены в этом номере «Сме-им») всем нашим читателям.

СПИСОК УПОЛНОМОЧЕННЫХ

1	Пушкин	13	Дри-ЖАН
2	Гаврова	14	БАБИНА
2 ^а	Самуилов	15	ЖИТЕЦКИЙ
3	Волков	16	СТАРИКОВ
3 ^а	Криницын	17	ФИОКТИС ТОВ
4	Гичко	18	

Здравствуй, Александр Сергеевич!

Очерк Т. Кондратьевой

Смотрите, смотрите, Онегин идет!—девушки в пелеринке с любовничеством смотрят в конец зала, где проходит высокий, стройный молодой человек во фраке.

— А с кем он?
— Видимо, с Ленским...
— А Татьяна Ларина приехала?
— Нет еще. Ее ждут.

Большой разукрашенный, ярко освещенный зал, балльная музыка... Со стенам смотрят и сам Александр Сергеевич Пушкин: встал из его серьеви и благожелатели. А над портретом большое полотно с обращением поэта к тем, кто собрался сегодня здесь: «Здравствуй, племям малое, незнакомо!»

Пушкинским балом-маскарадом молодежь Ленинградского завода «Электроаппарат» закончила большую трехмесячную работу по подготовке к пушкинской конференции. И конференция и бал-маскарад—начало систематической, упорной работы над освоением наследия великого инновационного поэта.

А началось так: два комсомольца сидели после работы и спорили о том, какое произведение у Пушкина лучшее. Аркадий Котан никак не мог согласиться, что южные поэмы Пушкина: «Кавказский пленник», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан»—уступают по силе художественного изображения подлинным «Полтаве» и «Медному всаднику».

Напевая песенку из «Евгения Онегина», мимо них проходила молодой парень.

— Сашка-ка, Митя, а ты что больше любишь у Пушкина?
— У кого?
— Да у Пушкина. О Пушкине, что ли, не слышал?

— Да я не помню, что у него там есть-то... Ребята переглаживались. Позже, поговорив между собой, друзья решили: надо возбудить среди ребят интерес к Пушкину. «Скоро юбилей, а у нас есть люди, которые даже не знают, что он написал».

На следующий день Котан поговорил с секретарем комитета и пошел в райком. К его инициативе отнеслись с большим интересом, а за консультацией посоветовали обратиться в Пушкинский дом Института литературы Академии наук.

В Пушкинском доме Аркадий помог составить план подготовки к конференции, указав литературу.

Помощь неожиданно пришла и с другой стороны. На другой день в комитет вошла тоненькая девушка с пушистыми волосами и объявила, что она студентка IV курса Историко-философского института, слышала о подготовке на заводе к пушкинской конференции и пришла помочь.

Работа закипела. О предстоящей конференции широко возвестили плакатами и заводская газета, о ней говорили на собраниях. Студенты Историко-философского института в обеденный перерыв проводили с рабочими беседы о Пушкине. Студентам задавали много вопросов не только молодежи, но и пожилые люди.

Цеховые красивые уголки во время бесед бывали переполнены. В механическом цехе слушатели были настолько захвачены живым и образным изложением биографии поэта, что просили докладывать обязательно принести опыт. На пятнадцать цеховых собраний участвовали две тысячи рабочих.

На произведения Пушкина в заводской библиотеке всегда был большой спрос, но книг о Пушкине читали мало. Теперь же все чаще и чаще молодые и старые читатели стали забегать в библиотеку с требованиями книги Шегалева «Дуэль и смерть Пушкина», Вересова «Пушкин в жизни», пушкинского тома «Литературного наследия» и т. д. За три месяца подготовки к конференции из библиотеки было взято 400 экземпляров произведений Пушкина и 120 книг о его творчестве.

Доказательствами на цеховых комсомольских собраниях были выданы не студенты и не инженеры, а сажары и токари. Некоторые из них не окончили даже семилетки. Готовиться к докладам поэтов пришлось немало и было не легко. Работница Муса Кузина рассказывала: «При проработке материала выяснилось, что многого я не знала, и мне больше я читала Пушкина, тем больше мне хотелось читать».

Подготовительная работа подходит к концу. Настали дни цеховых конференций...

Красные уголки в цехах к пяти часам полны. Докладчики поднимаются на трибуну, иные волнуясь, другие—уверенно и спокойно. Прекрасно построил доклад Коля Шпор, молодой рабочий, докладчик на конференции механического цеха. Биографию поэта он связал с его творческим путем, образно рассказал о прижизненных гибель Пушкина. Его слушали с напряженным вниманием.

В третьем цехе докладчик Пригожин делает доклад на тему «Пушкин и современность». Он рассказывает о смысле Пушкина, об отношении Пушкина с декабристами, отвечает на вопрос, почему Пушкин не был принят в члены тайного общества.

Начинаются прения. Комсомольцы говорят о том, что, читая Пушкина, они в ярких образах представляют себе прошлое и радуются, что оно кинуло в вечность.

— Читая Пушкина,—говорит рабочий Паскин,—я учусь у него прекрасному литературному русскому языку.

Комсорг Тахонов заканчивает свою речь призывом к основательному изучению произведений великого поэта, ибо «они созвучны нашей прекрасной жизни. Пушкин наш и вместе с нами идет к небывалому расцвету человечества».

— Я люблю Пушкина,—говорит комсомолец Муса Кузина.—В пламеннейшем многообразии его творчества, в глубине его мыслей и чувств, в музыке его замечательных стихов сосредоточены

...Каждую свободную минуту отдавали Пушкину, перечитывая его творения...

чены неисчерпаемые богатства культуры, и эту культуру призваны освоить мы, комсомолы, представители сталинского поколения коммунистической молодежи...

К сожалению, наряду с серьезными докладами были и горе-выступления. Так, один из докладчиков, разбирая произведения Пушкина, говорил о поэме... «Бронзовый всадник» и приписывал Пушкину голдовских героев.

После цеховых конференций последовала общезаводская, открытая секретарем комитета ВЛКСМ тов. Матвеевым. Он прочел доклад на тему «Жизнь и творчество великого народного поэта».

Прения начались большой речью представителя Пушкинского общества.

Затем выступили делегаты конференции. Их выступления показали, насколько выросла культурно-наша рабочая молодежь.

Делегаты конференции закончили. Молодежь с напряженным вниманием слушает чтение давно знакомых, любимых книг и отрывков из «Евгения Онегина», «Станционного смотрителя», «Литовской дамы». На сцену вышла заводской поэт Алышлер. Его новое стихотворение заканчивается строками:

«Здравствуй, Александр Сергеевич!
Наше старинное племя,
Наше племя молодое,
И твои большие книги
Вышли из рук молодых
И твои большие книги
Поиски в башне грядущих
До немыслимой победы,
До победы коммунизма!»

ШАХМАТЫ

ПОБЕДА ОЛЬГИ ЛАРИНОЙ

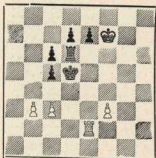
(Рассказ-шутка)

Мой прадед был шахматистом невиданной славы и оставил среди своих бумаг немало любопытных шахматных записок. Одна из них принадлежала моему дедушке. Она содержала в себе какую-то пошлость, игра в которой начиналась совершенно непонятным образом: черные били первым ходом... само же слово...

Даже и не мог понять, в чем тут дело. Наконец, мне повестывалось найти еще одну запись, которая сразу все разъяснила. Вы помните, конечно, то место на «Белом Океане», где великий русский статистор описывает шахматную партию между Алексеем и Ольгой Лариной? Как известно, партия разигралась эту партию, статистор из всех людей, был свидетелем. Оказавшись, мой прадед, конечно, в образе восточного и примечных чертах теленце этой партии.

Записку отражает как раз переделанный мундир партия. Пошлость пришла такой вид:

Черные: Алексеев.

Белые: Ольга Ларина.
Ход черным.

В этом положении вместо правильного хода... А6—В6?... черные допускают ошибку. По словам поэта: — Алексеев пешкою ладейю берет в расставленную ладейю.

Словом, Алексеев сделал ход 1... 47 (d5)? Заметив свою ошибку, он расписался и затаил вертеть над объектом, но Ольга резко запротестовала: — Нет уж, увольте! Pêche touchée—pièce touchée—pièce touchée—pièce touchée.

Алексеев покорился. Ольга подумала над ходом. Черные искали минутку для переполоха: промывалась: — Мне кажется, что я могу сделать шаг и в шесть ходов. Впрочем, не буду заглядывать вперед. Я кончу так.

И Ларина оказалась права: уже на шестой ход ее противник признал свое поражение. Вы не видите, каким образом белки могут объявить мат в шесть ходов. Это вам на фантастическая комбинация! Попробуйте разобраться в ней.

Вот вам дамы и фигуры. Принимайтесь за дело, мои друзья!

Рассказчик Снежинский предлагает читателям написать коммюнике, при помощи которой белые объявят мат в шесть ходов. Это задание кажется приятным и легким очередного двенадцатого коммюнике.

Срок присылки ответов — 20 ноября. Пять читателей, первые приславшие правильное решение, будут вознаграждены.

Г. АЛЬОВ

Пушкин в Царскосельском парке.
Кадр из фильма «Юность поэта». В роли Пушкина-актера ученик 1-й образованной школы Свердловского района Москвы В. Литовский.

Пушкин на экране

Смешается кинофильмом сделан по произведениям Пушкина или по материалам биографии великого поэта. В это число входят фильмы, выпущенные еще в царской России, фильмами в СССР, во Франции, Америке и Германии. Из первых кинофильмов по Пушкину известны: «Мазепа» (сделан в 1909 году на фабрике Ханжонкова), «Блики и смерть Пушкина» (сделан режиссером В. Говардом для французской фирмы «Оно» в 1910 году). Сохранились также экранизации старых кинооператоров «Руслан и Людмила» и «Пиковая дама».

В 1918—1919 годом было выпущено на экран несколько советских пушкинских фильмов: «Метель», «Станционный смотритель» и др. Фильмы «Станционный смотритель», сделанный при участии таких актеров, как Москвитин, пользовались популярностью зрителя. Постановщики фильмов сумели передать основное содержание одноименного рассказа Пушкина. Но в фильме была и отсечка: были выведены некоторые дополнительные сцены, безвкусные картины куцесей петербургского офицерства и др. Все это несколько искажало дух и идею пушкинского произведения.

Затем были выпущены «Колесенный регистратор» Ю. Жемчужного («Меморандум-Рус», 1925 год) и «Канитанская дотрия» Ю. Тарича (Совинино, 1926 год). Сделавшись по сценарию В. Школовского.

В 1927 году вышла большой историко-биографический фильм «Поэт и царь» (режиссер В. Гардин, Ленинградская фабрика Совинино), но и эта картина была лишь слабой попыткой дать образ Пушкина на экране.

К приближающемуся 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина советская кинематография готовит ряд новых кинопроизведений. Намечена постановка мультфильма

национального фильма «Сказка о попе и его работнике Балде» (мастерская художника Цеховского, Ленфильм).

С 1 августа начался съемка большого, в трех частях, цветного обьемо-мультфильма «Сказка о попе и его работнике Балде» (мастерская художника Цеховского, Ленфильм).

Режиссер М. Ромм ведет подготовительные работы в постановке «Пиковой дамы».

В план Мосфильма включены также постановка фильма «Евгений Онегин».

В орденской студии Ленфильма уже находится в производстве два любительских фильма: «Юность поэта» и «Путешествие в Аргентину».

«Дорога чести и славы» о рите перед войной. Вы их заготовите стать обьявлениями, заурядными модами, потаенными оксидно-войной забавами! Помните, нет выше сана чем священный сан Гражданина».

Этими словами, произнесенными мифом-профессором Купчинским на открытии царского кино, начинался фильм «Юность поэта». Это фильм о юношеских годах поэта, о процессе становления Пушкина как поэта и гражданина. Сценарий рассказывает о пылом и порывистом характере Пушкина, о неординарных переменах в его творчестве, о красоте и анимации, разбрасываемых им по адресу своих друзей товарищей. Все это делает Пушкина неуловимым для друзей; это в лице их любил. Только трое лицестов ценят честность, благородство, яркость Пушкина, чувствую его яркое поэтическое дарование. Это Дельвинг, Пушкин и Кудальберг.

Сейчас в Детском селе, в парке воле бывшего лагеря, идут натурные съемки фильма. В роли юного поэта снимается ученик 1-й образованной школы Свердловского района Москвы Вала Литовский. Его соседство с юным Пушкиным огромно.

«Пушкин бежит по парку. Он ослеплен в своем душе, он чувствует: как показалось, что Пушкин его незаслуженно обидел. Пушкин выбегает на полянку, в отчаянии бросается на землю, зарывается головой в траву, на глазах у него слезы...»

«Пушкин одинок, он пересорбился со всеми. Отвергает его друзья блестящий светский юноша князь Горюнов отвергает его и наменная красавица княгиня Элен. Пушкин вольнолично расценивает по парку, мечет стихи. Узнаем «Послание к Юдуну».

«Скоро у замой соловья На пашинке белая богиня...»

Так, вплоть до эпизода, сделается будущий фильм.

Ставит фильм режиссер А. Народицкий по сценарию А. Соломина. Оператор фильма — А. Сигалов, М. Адамо, звукооператор — А. Гайдаров, художники — И. Максим и М. Мейкин, ассистенты режиссера — А. Бергунгер и В. Горчаков.

«Путешествие в Аргентину» — фильм, который должен и скрыть оуду на интересней стран и жизни Пушкина. Сценарий построен на попытке обьявить путешествие А. Пушкина как попытку бегства поэта из царской России.

Сейчас идут съемки этого фильма на Кавказе, у подножия Кавказа. Город-хорошо Аргентина будет сниматься под Тбилиси (Тифлисом), недалеко от Гери.

В роли Пушкина снимается артист театра им. Вагганова Д. Н. Жуковская, в остальных ролях: декорист Бурев — заслуженный артист республики К. П. Холодов, Бутурани — С. Азавенский, Чернышев — Т. Самуилов, молодой солдат — А. Волков.

Ставит фильм режиссер М. З. Левин, который одновременно является и художником фильма. Оператор — А. Уманов, звукооператор — И. Дмитриев, ассистент режиссера — В. Меладзе.

Мих. БЕЛ.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Вы помните номер «Смени», посвященный памяти товарища Валентина Гусакевича? А. С. Пушкин.

Редакция ставит своей задачей помочь Вам разобраться в огромном литературном наследии революционного писателя и поэта.

Нашим же славным делом и номере в посылке, или вложив в конверт журналу вместе с предплатой товарища А. С. Пушкина.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

И. о. ответ. редактора М. Гольдберг

Зав. иллюстр.-художественной частью В. Урин

Выпускающий А. Ротов

Адрес редакции: Москва 40, улица «Правды», 24, тел. Д-3-34-24

Слано и набор 31/VIII—30г.

Подписано к печати 16/IX—36 г.

Изд. № 884 Формат 72X110 см. 6/16 печ. л. 106 948 зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Б—2703.

Зак. № 1792.

Тираж 40 000

Типография газеты «Правда» им. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА
ЮБИЛЕЙНОЕ ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. С. Пушкина

В 6 ТОМАХ,
ВЫПУСКАЕМОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
„ACADEMIA“

ПОД РЕД. Ю. Г. ОКСМАНА
И М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

В собрание включаются все художественные, публицистические и критические работы А. С. ПУШКИНА, а также его письма. Издание иллюстрировано лучшими произведениями дореволюционных и советских художников, работавших над иллюстрированием творчества А. С. ПУШКИНА, а также снимками с автографов А. С. ПУШКИНА. Выпускается издание в высокохудожественном и роскошном оформлении.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: цена тома—20 руб., всего издания—120 руб. При заказе вносится задаток в размере 20 руб., зачисляемый при выдаче последнего тома. Пересылка за счет подписчиков.

Издание начнет выходить из печати в конце текущего года и закончится выпуском в 1937 году.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Главной подписной
конторой Книгиза
по адресу: Москва,
Маросейка. 7.

